ГОДЪ ПЕРВЫЙ. № 1. 25 ОКТЯБРЯ 1878.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ.

На годъ . . . . . 6 р.
На полгода . . . . 3 р.
Номеръ . . . . . 25 к.

Подписчики получаютъ безплатно всѣ изданія Нет. Вольн. Тип.

ЗЕМЛЯ И ВОЛЯ!

СОЦІАЛЬНО-РЕВОЛЮЦІОННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Подписка на журналъ, корреспонденціи и статьи принимаются у лицъ, публикѣ извѣстныхъ.

СОДЕРЖАНІЕ. **Отъ редакціи.** — **Земля и Воля!** — **Фельетонъ:** Письмо чистосердечнаго россіянина. — **У гроба.** Стихотвореніе. — **По поводу подвигонъ прессы.** — **Корреспонденціи.** — **Разныя извѣстія.** — **Объявленія.**

Отъ редакціи.

Вотъ уже второй годъ, несмотря на всѣ гоненія, существуетъ внутри Россіи вольное, безцензурное слово. Этотъ рѣдкій заграничный гость нашелъ наконецъ и у насъ укромный уголокъ, несмотря на то, что хозяева страны прилагали и прилагаютъ всѣ старанія, чтобы выгнать его съ позоромъ вонъ.

Кромѣ листковъ и брошюрокъ по поводу различныхъ событій русской жизни, вольные русскіе станки нашли возможнымъ предпринять и выполнить одно большое изданіе, на которое, по словамъ Петерса, знаменитаго предсѣдателя судовъ Особаго Присутствія, не было средствъ у «Правит. Вѣстника». Мы говоримъ объ изданіи судебныхъ отчетовъ по прошлогоднему процессу 193-хъ соціалистовъ.

Правительственное обѣщаніе издать полный «стенографическій» отчетъ объ этомъ дѣлѣ дано было, очевидно, съ твердымъ намѣреніемъ не исполнить его. Отговорившись тѣмъ, что у него нѣтъ бѣшеныхъ денегъ, которыя можно бы тратить на такіе пустяки, какъ исполненіе своего честнаго слова, оно запретило частнымъ лицамъ издать этотъ процессъ на свой счетъ.

Такимъ образомъ, бѣдной «Вольной Русской Типографіи» пришлось исполнять обѣщанія правительства передъ русскимъ обществомъ.

Безцензурное слово сдѣлалось уже новымъ элементомъ въ русской жизни и орудіемъ борьбы тѣхъ партій, у которыхъ нашлось достаточно мужества и умѣнья взять его въ руки.

При такихъ условіяхъ, мы не считаемъ ни преждевременной, ни излишней нашу попытку выступить передъ русской публикой съ вольнымъ, безцензурнымъ журналомъ; да и попытка эта, какъ извѣстно, уже не первая въ Россіи — честь почина на этомъ поприщѣ принадлежитъ нашимъ товарищамъ, издателямъ газеты «Начало».

Мы думаемъ, никто не удивится тому, что, какъ первая попытка безцензурнаго слова внутри Россіи, такъ и продолженіе ея, выпало на долю русскихъ соціалистовъ.

Если вообще все русское общество, лишенное права слова по самымъ существеннымъ для него вопросамъ, справедливо негодуетъ на своихъ утѣснителей, то тѣмъ болѣе имѣемъ право не мириться съ подобнымъ положеніемъ мы — соціалисты-революціонеры. Наша партія, люди нашего образа мыслей поставлены внѣ закона. Для насъ въ предѣлахъ имперіи не существуетъ права слова, ни устнаго, ни письменнаго, нетолько для защиты своихъ идей, но даже для личной защиты. Даже на право ругать соціалистовъ и кидать въ нихъ грязью, котораго такъ ревностно добивалась извѣстная часть нашей прессы, надобно было испрашивать всегда особое разрѣшеніе у предержащихъ властей.

Ругать — значитъ признавать существованіе, бороться, а правительство до сихъ поръ мечтаетъ еще, что вотъ-вотъ оно не сегодня-завтра истребитъ всѣхъ соціалистовъ, такъ что никто этого не замѣтитъ и никакого соблазна отъ нихъ не произойдетъ.

Впрочемъ, на ругательства теперь уже выдана carte blanche и ею пользуются.

Естественно, что умирающіе съ голоду первые начинаютъ хлопотать о хлѣбѣ, и соціалисты русскіе дѣйствительно съ давнихъ поръ хлопочутъ о свободѣ слова, что доказывается, кромѣ вольнаго печатанія внутри Россіи, рядомъ русскихъ изданій за границею.

Но въ настоящее время, удаленная отъ центровъ дѣятельности, оторванная отъ родной почвы, заграничная русская печать уже не можетъ удовлетворять потребностямъ и запросамъ нашей партіи. Предоставляя заграничному печатанію статьи большого объема и чисто научную разработку интересующихъ насъ вопросовъ, мы выступаемъ тутъ съ повременнымъ изданіемъ, главная задача котораго — отвѣчать на запросы текущей жизни.

Есть и другая причина, объясняющая, почему именно соціалисты, а не люди другихъ убѣжденій, должны были первые выступить со свободнымъ словомъ на Руси.

Всѣми признано, что соціалисты—единственная организованная политическая партія на Руси, которая умѣетъ смѣло, упорно, не боясь никакихъ жертвъ, бороться противъ своихъ враговъ. Какъ-бы не относилось общество къ ея принципамъ и образу дѣйствій, оно не можетъ не признать за ней вышеупомянутыхъ качествъ.

Въ странѣ же, гдѣ свободное слово считается однимъ изъ самыхъ страшныхъ преступленій, эти достоинства имѣютъ первенствующее значеніе.

Не забудемъ того, что за вольное печатаніе безъ разрѣшенія властей, у насъ карають сильнѣе, нежели за отцеубійство*)

Не только мы, писатели и издатели нашего журнала, но даже и ты, читатель, взявшій въ руки нашъ листокъ изъ любопытства и не снесшій его въ участокъ только по естественной брезгливости относительно подобныхъ операцій,—уже преступникъ: ты попуститель или укрыватель.

Если-же ты, въ порывѣ негодованія, снесешь листокъ къ пріятелю, чтобы показать ему, какую мерзость пишутъ нигилисты,—ты уже распространитель, и горе тебѣ, если судъ не признаетъ смягчающихъ обстоятельствъ!

Однако мы съ перваго шага обнаруживаемъ уже всю нашу полную неумѣлость въ литературномъ ремеслѣ: вмѣсто того, что-бы зазывать публику и кричать: «пожалуйте, у насъ товаръ, у насъ горячій!»—мы говоримъ: «не подходи—укуситъ!»

Очевидно, надо поскорѣе отрекомендоваться и закончить статью, которая уже въ началѣ грозитъ соскочить съ рельсовъ.

По заглавію читатель уже видитъ, что наша газета—органъ соціально-революціоннаго направленія. Каковы наши убѣжденія въ частностяхъ соціалистической программы, объ этомъ мы поговоримъ, насколько можно подробно, въ нашей слѣдующей статьѣ. Здѣсь же мы хотимъ опредѣлить наше положеніе какъ относительно другихъ соціалистическихъ фракцій, такъ и относительно тѣхъ политическихъ направленій, которыя начинаютъ зарождаться у насъ на Руси.

Есть между русскими соціалистами партія, которая отодвигаетъ на задній планъ въ своей программѣ элементъ активной борьбы. Ея главное оружіе—широкая проповѣдь идей соціализма въ народѣ, ближайшая цѣль—образованіе интеллигентнаго соціалистическаго меньшинства среди рабочаго люда—основаніе соціалистической партіи для активной борьбы лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

Мы нисколько не отрицаемъ словесной пропаганды per se. Мы думаемъ только, что никакая живая партія не можетъ обойтись безъ активной борьбы, безъ практической агитаціи.

Вотъ въ чемъ главная разница между нами и пропагандистами. Какъ легко видѣть, она нисколько не мѣшаетъ намъ желать имъ возможно-полнаго успѣха въ ихъ дѣятельности и помогать имъ гдѣ возможно.

Есть еще одно теченіе въ русскомъ соціализмѣ, заявившее себя въ соціалистической литературѣ въ заграничномъ органѣ «Набатъ».

Программа его—захватъ въ свои руки власти путемъ заговора или государственнаго переворота, съ цѣлью декретированія новаго политическаго и экономическаго строя.

Мы думаемъ, намъ нѣтъ надобности выяснять здѣсь, что мы не согласны съ такой программой. Заграничный журналъ «Община», издаваемый нашими сотрудниками и товарищами, не разъ имѣлъ случай высказываться по поводу программы соціалистовъ-якобинцевъ, и мы сдѣлаемъ здѣсь только небольшую оговорку для выясненія нашихъ отношеній къ этой партіи.

Каковы-бы ни были наши теоретическія несогласія, мы должны признать, что среди нашего общества, страдающаго повальной политической спячкой, среди всеобщаго безправія, партія, стремящаяся подкопать власть современнаго деспотическаго правительства, можетъ облегчить немало борьбу соціалистовъ-революціонеровъ.

Дѣятельность якобинцевъ, какъ дезорганизаторовъ власти, встрѣтитъ всегда сочувствіе съ нашей стороны. Въ этомъ они убѣдятся на дѣлѣ, коль скоро примутся за практическую дѣятельность заговорщиковъ-разрушителей.

Этимъ мы могли бы закончить наше предварительное объясненіе съ публикой и товарищами; но намъ надобно объясниться передъ русскимъ обществомъ по поводу тѣхъ напраслинъ и обвиненій, которыя съ нѣкотораго времени очень усердно взводятся на насъ.

Увѣряютъ, что мы—противники политической свободы и ненавистники русскихъ «либераловъ» и конституціоналистовъ.

Ненависть къ «либераламъ»?... но кто у насъ называетъ себя этимъ именемъ?

Это люди, утверждавшіе, что Казанская демонстрація 6-го декабря 1876 года въ честь политическихъ пре-

*) Мы здѣсь говоримъ не о той карѣ, которая написана въ законахъ, а о той, которая существуетъ на практикѣ. За доказательствами просимъ обратиться къ нашей брошюрѣ „За-живо погребенные“ и сравнить положеніе политическаго преступника, осуждаемаго фактически всегда на безсрочную каторгу, и положеніе срочно-содержимыхъ уголовныхъ арестантовъ въ тѣхъ же центральныхъ тюрьмахъ.

ступниковъ—произведеніе стариковъ, выжившихъ изъ ума или фортель, выкинутый на «иностранныя деньги».

Это защитники свободы, возмущающіеся тѣмъ, что политическіе преступники не даютъ себя безнаказанно тиранить жандармамъ.

Это лица, утверждающія, что поступокъ Вѣры Засуличъ—результатъ нравственнаго уродства этой личности.

Это дѣятели прессы, обѣщающіе правительству, въ награду за послабленіе въ цензурѣ, обратиться въ околодочныхъ и сыщиковъ по политическимъ дѣламъ.

Пусть читатель судитъ самъ, имѣетъ-ли дѣятельность вышеупомянутой котеріи что нибудь общее съ борьбой за политическую свободу?

Насчетъ конституціонныхъ вожделѣній мы пока ничего сказать опредѣленнаго не можемъ. Наши отношенія къ нимъ опредѣлятся, когда конституціоналисты выступятъ какъ дѣйствующая партія.

Но они могутъ быть увѣрены въ одномъ, что всякая попытка борьбы за права человѣка, за расширеніе свободы мысли намъ не менѣе дорога, чѣмъ русскимъ либераламъ.

Мы надѣемся, что и наше настоящее предпріятіе, хотя начатое въ интересахъ служенія нашей партіи, сослужитъ службу и дѣлу свободы слова вообще. Можетъ быть существованіе нашего журнала убѣдитъ правительство, насколько безсмысленно вымарывать строчки, когда подъ-носомъ у него расходятся цѣлые листы.

Можетъ быть найдутся люди, которые послѣдуютъ нашему примѣру и, не дожидаясь тѣхъ блаженныхъ временъ, когда мы будемъ имѣть дѣйствительную свободу печати, примутся распространять свои мысли посредствомъ тайныхъ станковъ.

Такова ужъ, вѣрно, судьба русскаго общества, что всѣ свободныя идеи должны проникать въ него подпольнымъ путемъ.

Съ полнымъ довѣріемъ и надеждою на сочувствіе всѣхъ друзей свободнаго слова, выпускаемъ мы въ свѣтъ первый № нашего журнала.

Иди, наше дѣтище, къ друзьямъ и врагамъ, ищи друзей себѣ, ищи друзей свободному слову!

Не смущайся ни своимъ скромнымъ, бѣднымъ костюмомъ, ни неласковымъ пріемомъ, который ты встрѣтишь во многихъ мѣстахъ.

Знай, что многіе изъ тѣхъ, которые встрѣтятъ тебя съ хмурыми, недовольными лицами и даже грубо вытолкнутъ тебя за дверь, втихомолку порадуются твоему рожденію на свѣтъ.

Земля и Воля! — вотъ два магическихъ слова, много разъ поднимавшія изъ глубины Россіи могучія стихійныя движенія. Дважды чуть не повалили они государственной Руси и до сихъ поръ глубоко волнуютъ душу сѣраго крестьянства отъ одного конца Россіи и до другого.

Земля и Воля!—вотъ тотъ девизъ, который написали на своемъ знамени, вѣрные духу и исторіи своего народа, наши предшественники, соціалисты-народники 60-хъ годовъ.

Тѣ же слова пишемъ на нашемъ знамени и мы.

Мы убѣждены, что только тѣ культурныя формы имѣютъ историческое будущее, которыя коренятся въ умахъ и стремленіяхъ народныхъ массъ; мы не вѣримъ въ возможность путемъ предварительной работы создать въ народѣ идеалы, отличные отъ развитыхъ въ немъ всей предшествующей его исторіей. На всѣ попытки подобнаго рода мы смотримъ, какъ на совершенно неразсчетливую трату силъ, потому что опытъ всѣхъ прошлыхъ движеній, во всѣхъ земляхъ и у всѣхъ народовъ, начиная съ крестьянскихъ возстаній и кончая Парижской Коммуной, показываетъ намъ, что всякое революціонное движеніе, по мѣрѣ своего расширенія, необходимымъ образомъ развиваетъ, очищаетъ и совершенствуетъ тѣ революціонные элементы, которые послужили первоначальнымъ стимуломъ движенія.

Революціи—дѣло народныхъ массъ. Подготовляетъ ихъ исторія. Революціонеры ничего направить не въ силахъ. Они могутъ быть только орудіями исторіи, выразителями народныхъ стремленій. Роль ихъ заключается только въ томъ, чтобы, организуя народъ во имя его стремленій и требованій и поднимая его на борьбу съ цѣлью ихъ осуществленія, содѣйствовать ускоренію того революціоннаго процесса, который, по непреложнымъ законамъ исторіи, совершается въ данный періодъ. Внѣ этой роли, они—ничто; въ предѣлахъ ея, они—одинъ изъ могущественныхъ факторовъ исторіи.

Поэтому, основаніемъ всякой истинно-революціонной программы должны быть народные идеалы, какъ ихъ создала исторія въ данное время и въ данной мѣстности.

Во всѣ времена, гдѣ бы и въ какихъ бы размѣрахъ ни поднимался русскій народъ, онъ требовалъ Земли и Воли!

Земли — какъ общаго достоянія тѣхъ, кто на ней работаетъ, и Воли—какъ общаго права всѣхъ людей самимъ распоряжаться своими дѣлами.

Отнятіе земель отъ помѣщиковъ и бояръ; изгнаніе, а иногда поголовное истребленіе всего начальства, всѣхъ представителей государства и учрежденіе «казачьихъ круговъ», т. е. вольныхъ, автономныхъ общинъ съ выборными, отвѣтственными и всегда смѣняемыми исполнителями народной воли,—такова была всегда неизмѣнная «программа» народныхъ революціонеровъ-соціалистовъ: Пугачева, Разина и ихъ сподвижниковъ.

Такова же, безъ сомнѣнія, остается она и теперь для громаднаго большинства русскаго народа.

Поэтому ее принимаемъ и мы, революціонеры-народники.

Этой программой мы выдвигаемъ на первый планъ вопросъ аграрный. Вопросъ же фабричный мы оставляемъ въ тѣни, и не потому, чтобы не считали экспропріацію фабрикъ необходимою, а потому, что исторія, поставившая на первый планъ въ Западной Европѣ вопросъ фабричный, у насъ его не выдвинула вовсе, замѣнивъ его вопросомъ аграрнымъ. А между тѣмъ, революціонное движеніе, поднявшееся во имя земли, на другой же день роковымъ образомъ само придетъ къ сознанію необходимости экспропріаціи фабрикъ и полнаго уничтоженія всякаго капиталистическаго производства, потому что, сохранивъ его, оно само вырыло бы себѣ могилу. Точно такъ и городское соціалистическое движеніе, еслибъ оно началось независимо отъ деревень, неминуемо наткнулось бы съ первыхъ же шаговъ на вопросъ о соціализмѣ аграрномъ.

По тѣмъ же причинамъ не станемъ мы предрѣшать въ нашей программѣ вопросовъ, касающихся частныхъ формъ будущаго соціалистическаго строя. Все это вопросы будущаго. Предоставимъ же будущее будущему. Настоящему предстоитъ достаточно громадная задача: осуществленіе народной революціи, которая одна въ состояніи развить будущій соціалистическій строй изъ тѣхъ элементарныхъ основъ соціализма, которыя уже созданы въ умахъ народа.

Въ шестидесятыхъ годахъ русская партія движенія впервые написала на своемъ знамени — Народная Революція.

Въ семидесятыхъ—движеніе изъ кружкового переходитъ въ общее, массовое, повальное, которое, несмотря на кровавыя гоненія, идетъ все впередъ, становясь съ каждымъ годомъ все шире и грознѣе.

Мы стоимъ въ концѣ стараго десятилѣтія на рубежѣ новаго, переживая эпоху очевидно первостепенной важности, какъ по интенсивности революціонной работы, такъ и по совершенно-особому характеру, который она принимаетъ.

Разобраться въ массѣ фактовъ послѣдняго времени, выяснить, какія теченія опредѣлились, какія стремленія обнаружились въ средѣ нашей народно-революціонной партіи—вотъ задача, которая предстоитъ первому номеру нашего журнала.

Каковы наши силы? Каково положеніе? Каковы шансы побѣды?

Грозна поднимается отовсюду могучая подземная сила. Какое лучше зеркало для бойца, какъ не лицо его противника? Смотрите же, какъ исказилось оно у нашихъ враговъ, какъ мечутся они, обезумѣвшіе отъ ужаса, не зная, что предпринять, чѣмъ спастись отъ таинственной, неуловимой, непобѣдимой силы, противъ которой безсильны всѣ человѣческія средства.

Что-нибудь дѣйствительно ужасное должно было совершиться, чтобы внушить такой страхъ нашимъ врагамъ.

Да, дѣйствительно: на нашихъ глазахъ совершается явленіе по-истинѣ необыкновенное, быть можетъ, единственное во всей исторіи: «горсть» смѣлыхъ людей объявляетъ войну на-смерть всемогущему правительству, со всѣми его неизмѣримыми силами: она одерживаетъ надъ нимъ одну за другою нѣсколько кровавыхъ побѣдъ; во многихъ мѣстахъ обуздываетъ доселѣ ничѣмъ необузданный произволъ и быстрыми шагами идетъ къ побѣдамъ еще болѣе блестящимъ и рѣшительнымъ.

«Чудовище», жившее до сихъ поръ гдѣ-то подъ землею, занимаясь подкапываніемъ разныхъ «основъ», вдругъ отъ времени до времени начинаетъ высовывать наружу одну изъ своихъ лапъ, чтобы придушить то ту, то другую гадину, которая слишкомъ надоѣстъ ему. И при каждомъ своемъ появленіи на свѣтъ, «чудовище» обнаруживаетъ все большую и большую дерзость и безпощадность въ исполненіи своихъ кровавыхъ замысловъ и все большую и большую ловкость и быстроту въ укрываніи своихъ слѣдовъ.

Ужасъ охватываетъ враговъ. Онъ передается и зрителю. Что если, думаетъ онъ, «чудовище», разлакомившись человѣческимъ мясомъ и не находя болѣе жертвъ предъ собою, кинетъ свой свирѣпый взглядъ на самихъ зрителей? Ему уже чудится*), что налитые кровью глаза остановились на немъ, съ быстротою молніи вытягивается чья-то лапа...

Зритель, успокойся!

Соціализмъ—высшая форма всеобщаго, всечеловѣческаго счастія, какая только когда-либо вырабатывалась человѣческимъ разумомъ. Нѣтъ для него ни пола, ни возраста, ни религіи, ни національности, ни классовъ, ни сословій! Всѣхъ зоветъ онъ на чудный пиръ жизни, всѣмъ дастъ онъ миръ, свободу, счастіе, сколько каждый можетъ взять!

Въ этомъ, и только въ этомъ та непреодолимая, чарующая сила, которая влечетъ въ ряды соціалистовъ все свѣжее, чистое, безкорыстное. Только вѣра въ свое служеніе всему человѣчеству способна возбудить тотъ пламенный, чисто-религіозный фанатизмъ, который одушевляетъ соціалистовъ и дѣлаетъ ихъ неодолимыми, непобѣдимыми, потому что самыя гоненія превращаются для нихъ въ источникъ высочайшаго блаженства на землѣ—блаженства мученичества и самопожертвованія.

Господа филистеры! Повѣрьте же, что для насъ личность человѣка не менѣе священна, чѣмъ для васъ, рукоплещущихъ безцѣльному истребленію сотенъ тысячъ людей изъ-за честолюбивыхъ династическихъ фантазій и допускающихъ гибель милліоновъ рабочаго люда, чтобы только не поступиться нѣкоторой долей своихъ скотскихъ наслажденій.

Если мы прибѣгли къ кинжалу, то значитъ дѣйствительно не оставалось другихъ средствъ заставить уважать наши священныя человѣческія права.

Съ той же минуты, какъ наша свобода и наша личность

*) См. „Голосъ".

будутъ гарантированы отъ произвола, мы безусловно прекращаемъ ту систему самосуда и самозащиты, къ которой вынуждены прибѣгать теперь. Признайте за нами наши человѣческія права—и мы будемъ свято чтить ваши. Мы не прекратимъ нашей соціально-революціонной дѣятельности, т. е. борьбы за полное освобожденіе человѣка отъ всякаго порабощенія и прежде всего порабощенія труда капиталу. Но тогда нашими противниками являются привиллегированныя сословія, какъ цѣлое. Отдѣльныя личности перестаютъ имѣть какое бы то ни было значеніе, и потому борьба принимаетъ совершенно иной характеръ.

До тѣхъ же поръ, пока останется въ дѣйствіи нынѣшняя система, основаніемъ которой служитъ произволъ отдѣльной личности, начиная отъ царя и кончая будочникомъ, произволъ всевозможныхъ размѣровъ, оттѣнковъ и видовъ, произволъ регулируемый, усиливаемый, ослабляемый опять же произволомъ,—до тѣхъ поръ врагами нашими, врагами человѣчества, интересы котораго олицетворяетъ соціализмъ, являются отдѣльныя личности. Поэтому мы будемъ вести самую безпощадную войну противъ этихъ личностей.

Вотъ смыслъ, цѣль и характеръ тѣхъ дѣяній, которыя въ послѣднее время такъ громко отозвались не только по всей Россіи, но и по всей Европѣ, какъ факты, если не наиболѣе важные, то наиболѣе яркіе въ нашей дѣятельности.

Теперь по поводу нихъ два слова уже нашимъ друзьямъ и товарищамъ.

Не ободрять, не звать ихъ на продолженіе начатой борьбы намѣрены мы: мы очень хорошо знаемъ насколько излишни для нихъ и ободренія и призывы. Мы, напротивъ того, хотимъ предостеречь ихъ отъ слишкомъ сильнаго увлеченія этого рода борьбой, такъ какъ есть признаки, показывающіе возможность такого рода увлеченія.

Мы должны помнить, что не этимъ путемъ мы добьемся освобожденія рабочихъ массъ. Съ борьбой противъ основъ существующаго порядка терроризація не имѣетъ ничего общаго. Противъ класса можетъ возстать только классъ; разрушить систему можетъ только самъ народъ. Поэтому, главная масса нашихъ силъ должна работать въ средѣ народа. Террористы —это не болѣе какъ охранительный отрядъ, назначеніе котораго—оберегать этихъ работниковъ отъ предательскихъ ударовъ враговъ. Сбратить всѣ наши силы на борьбу съ правительственной властью—значило бы оставить свою прямую, постоянную цѣль, чтобы погнаться за случайной, временной.

Такое направленіе нашей дѣятельности было бы великой ошибкой еще съ другой стороны—со стороны тактики партіи. Паденіе нашего современнаго политическаго строя не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію. Не нужно быть пророкомъ, чтобы предсказать это. Вопросъ только о днѣ и часѣ, когда это совершится. Самодержавіе, поражаемое со всѣхъ сторонъ, падетъ, уступивъ мѣсто болѣе современному конституціонному строю, который, какъ всякая конституція, выдвинетъ на первый планъ привиллегированныя сословія: помѣщиковъ, купцовъ, фабрикантовъ—всѣхъ владѣтелей капитала движимаго и недвижимаго, однимъ словомъ, буржуазію въ экономическомъ смыслѣ слова. Въ настоящее время они разрознены, и потому безсильны. Конституціонная же свобода, какъ бы жалка она ни была, имъ-то во всякомъ случаѣ дастъ возможность съорганизоваться въ сильную партію, первымъ дѣломъ которой будетъ провозглашеніе крестоваго похода противъ насъ, соціалистовъ, какъ своихъ опаснѣйшихъ враговъ.

Направивъ всѣ свои силы на борьбу съ правительствомъ, мы, конечно, сильно ускоримъ его паденіе. Но тогда, не имѣя никакихъ корней въ народѣ, мы будемъ не въ состояніи воспользоваться своей побѣдой. Это будетъ побѣда Пирра, сказавшаго послѣ битвы при Гераклеѣ: «Еще одна такая побѣда — и я безъ войска поплыву въ Эпиръ»! Цѣною кровавой борьбы и несомнѣнно-тяжкихъ жертвъ мы ничего не пріобрѣтемъ для своего дѣла. Разбитый, но никѣмъ не преслѣдуемый врагъ будетъ имѣть все нужное ему время, чтобы укрѣпиться на новой позиціи, и намъ снова придется брать ее открытымъ нападеніемъ подъ его усиленнымъ огнемъ, преодолѣвая всѣ воздвигнутыя имъ препятствія.

Только тѣсная связь съ народомъ можетъ дать намъ возможность воспользоваться тѣмъ замѣшательствомъ, которое всегда сопровождаетъ перемѣну системы, и разомъ создать могучую силу, которая не дастъ нашимъ новымъ врагамъ укрѣпиться, какъ въ Западной Европѣ, высосавъ изъ народа его послѣдніе соки.

Повернемъ же теперь свой фонарь на другія картины, освѣтимъ, насколько это намъ возможно, тотъ черный подземный міръ, міръ скорби и мукъ, гдѣ медленно зрѣютъ сѣмена будущаго, гдѣ изъ безчисленныхъ, разнообразнѣйшихъ элементовъ слагается та великая равнодѣйствующая, которая двигаетъ ходомъ исторіи.

Мы говорили до сихъ поръ о нашей дѣятельности въ сферахъ внѣнародныхъ. Скажемъ теперь о нашей дѣятельности въ самомъ народѣ.

Много ли мы сдѣлали до сихъ поръ въ этомъ направленіи?

Нѣтъ, мы сдѣлали мало, чрезвычайно мало. Будемъ имѣть мужество сознаться въ этомъ откровенно, не боясь ни злорадства враговъ, ни ропота друзей. Друзьямъ мы скажемъ: мы достаточно сильны, чтобъ не нуждаться въ искаженіи истины. Врагамъ мы отвѣтимъ: погодите радоваться!

Повторяемъ: въ народѣ мы сдѣлали очень, очень мало. Намъ укажутъ на такихъ личностей, какъ Малиновскій, Крыловъ, Зарубаевъ, Союзовъ, Агаповъ —крестьянъ и рабочихъ, мученичествомъ запечатлѣвшихъ свою преданность дѣлу соціальной революціи.

Намъ укажутъ на еще большее число рабочихъ и крестьянъ, съ честью продолжающихъ до сихъ поръ свое служеніе этому святому дѣлу.

Намъ укажутъ на дѣло несравненно болѣе важное, на то, что своей неустанной работой, своими кровавыми жертвами русскіе соціалисты пробили уже во мно-

гихъ мѣстахъ, если не вполнѣ разрушили, ту вѣковую стѣну, которая раздѣляла ихъ отъ народа. Городскіе рабочіе уже отличаютъ «студента» отъ «барина». Нетолько лучшіе, но и обыкновенные, средніе рабочіе знаютъ, что эти «студенты», какъ они называютъ соціалистовъ, не баре, которые «бунтуютъ противъ царя», за то, что онъ крестьянъ отнялъ, какъ говаривалось 4—5 лѣтъ тому назадъ, а добиваются лучшихъ порядковъ для крестьянства и для нихъ, рабочихъ, и что за это-то начальство и преслѣдуетъ ихъ. Нѣкоторыя имена, которыя съ благоговѣніемъ повторяетъ вся молодая Россія, съ такимъ же чувствомъ повторяются устами тысячъ рабочихъ.

Намъ укажутъ, наконецъ, на такіе города, какъ Одесса, гдѣ рабочіе на дѣлѣ заявили свою солидарность съ соціалистами, какъ своимъ адресомъ въ день годовщины Парижской Коммуны, такъ еще болѣе своимъ участіемъ во всѣхъ уличныхъ движеніяхъ послѣдняго времени.

Все это совершенно справедливо. Есть изъ среды народа герои-мученики; есть и агитаторы-революціонеры. Массы начинаютъ понимать насъ.

Все это результаты очень важные сами по себѣ, но ничтожные по сравненію съ тѣми силами, которыя на нихъ были употреблены, и съ тѣми жертвами, которыхъ они стоили.

Мы, русскіе, слишкомъ богаты импульсивными силами, и потому не знаемъ имъ цѣны и готовы тратить ихъ съ расточительностью мота, не понимающаго цѣны своимъ богатствамъ.

Человѣкъ, преданный идеѣ, рѣшившійся посвятить ей всю свою жизнь, готовый принять за нее всѣ муки, не страшащійся самой смерти, такой человѣкъ представляетъ силу по-истинѣ громадную. Не единицы и не десятки, а тысячи послѣдователей увлекаетъ онъ за собой. И не слабое воспоминаніе, а глубокій, неизгладимый слѣдъ оставляетъ онъ за собой въ исторіи. Если же при этомъ природа надѣлила его исключительными талантами, тогда изъ такихъ людей являются Іоанны Лейденскіе, Мараты, Варлены.

Ну, а развѣ между нами нѣтъ людей съ исключительными талантами? Отчего же ихъ дѣятельность въ народѣ дала такіе ограниченные результаты?

Посмотрите на Западную Европу. Нѣсколько человѣкъ рабочихъ въ шестидесятыхъ годахъ, т. е. одновременно съ нами, провозгласили необходимость народной революціи для освобожденія народа. Это были основатели Интернаціонала съ его принципомъ: «освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ рукъ самихъ рабочихъ».

Черезъ десять лѣтъ Интернаціоналъ насчитывалъ въ своихъ рядахъ нѣсколько сотъ тысячъ членовъ.

Отчего же произошелъ ихъ успѣхъ?

Отъ большей ли энергіи, преданности и самоотверженія пропагандистовъ народной революціи на Западѣ?

Нѣтъ. Мы знаемъ большинство этихъ людей и можемъ смѣло сказать, что русскіе соціалисты **никому изъ нихъ не уступаютъ въ этомъ отношеніи.**

Отъ большей ли своевременности ихъ проповѣди на Западѣ?

Нѣтъ: страданія русскаго народа еще ужаснѣе, будущее его еще безнадежнѣе. Значитъ, еще громче и единодушнѣе долженъ бы онъ отозваться на призывъ къ освобожденію.

Не во внутреннихъ, а во внѣшнихъ причинахъ должно, стало быть, искать сравнительной скромности результатовъ нашей дѣятельности въ народѣ. Не глухъ народъ, не безголосые и мы. Мы только говорили съ народомъ до сихъ поръ на непонятномъ народу языкѣ.

Взгляните на интеллигенцію. До сихъ поръ никто изъ насъ не посвящалъ себя серьезно дѣятельности въ средѣ интеллигентной молодежи. Въ своемъ увлеченіи народничествомъ, мы открещивались не только отъ всей гнили той среды, изъ которой вышли, но даже отъ того свѣжаго, сильнаго, хорошаго, что въ ней покидали. Поэтому въ молодежи каждый изъ революціонеровъ-соціалистовъ дѣйствовалъ только скрѣпя сердце, стремясь бросить эту дѣятельность при первой же возможности.

Но здѣсь мы не были иностранцами. Каждое наше слово было такъ же понятно и близко тѣмъ, къ кому мы его обращали, какъ и намъ самимъ. Здѣсь мы были своими людьми. Поэтому, несмотря на такое совершенно неразумное отношеніе къ дѣлу, —смотрите, какіе результаты: нѣтъ почти семьи, которая не поставила бы своего солдата въ наши ряды. И это не временное увлеченіе, ничуть: поставка борцевъ въ ряды соціалистовъ-революціонеровъ превратилась точно въ особаго рода рекрутскую повинность для привилегированныхъ сословій. А между тѣмъ, здѣсь призывъ совершается во имя интересовъ чуждыхъ, во вредъ интересамъ своимъ и своихъ близкихъ!

Такъ же успѣшна, какъ въ интеллигенціи, такъ же успѣшна какъ на Западѣ, будетъ наша работа въ средѣ народа, если мы дѣйствительно станемъ *народными людьми*.

Мы, русскіе, страдаемъ вообще скромностью, невѣріемъ въ свои силы. Тѣмъ не менѣе, кто изъ насъ скажетъ, что мы слабѣе тѣхъ полуграмотныхъ, неразвитыхъ, иногда далеко не нравственныхъ отставныхъ солдатъ, деревенскихъ бабъ и мужиковъ, дѣйствующихъ напр. въ расколѣ, гдѣ они такъ часто поднимаютъ массы народа и ведутъ ихъ за собою во имя какихъ нибудь дикихъ, ни съ чѣмъ не сообразныхъ идей, привлекательныхъ для народа лишь какой нибудь каплей правды, которая таится въ нихъ? Отчего же за нами, предлагающими народу полной чашей эту самую, дорогую для него правду, идутъ отдѣльныя личности изъ народа, а не массы? Бросимъ ту иноземную, чуждую нашему народу форму нашихъ идей, замѣнимъ ее тою, которая ему свойственна, близка и родственна, — пойдетъ онъ и за нами. Пять лѣтъ тому назадъ мы сбросили нѣмецкое платье и одѣлись въ сѣрмягу, чтобы быть принятыми народомъ въ его среду. Теперь мы видимъ, что этого мало,—пришло время сбросить и съ соціализма его нѣмецкое платье **и тоже одѣть въ народную сѣрмягу.**

Въ настоящее время мы имѣемъ уже одинъ фактъ первостепенной важности, знаменующій собою этотъ переходъ соціалистовъ на почву чисто народную. Стефановичъ съ друзьями въ чигиринской глуши создаетъ первую въ нашей революціонной исторіи народную организацію, безусловно революціонную и народно-соціалистическую, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ охватываетъ собою до полуторы тысячи крестьянъ. Революціонеры-соціалисты здѣсь становятся впервые дѣйствительными, признанными вождями народныхъ массъ.

Было бы крайней близорукостью и даже нарушеніемъ основного принципа народнической программы рекомендовать способъ дѣйствія Стефановича для всѣхъ мѣстностей и народностей русской земли.

Каждая мѣстность и каждая народность имѣютъ свою индивидуальную физіономію, и сообразно съ нею должны измѣняться способы дѣйствія въ каждой изъ нихъ.

Можно не соглашаться съ тѣми принципами и пріемами, къ которымъ, подъ давленіемъ мѣстныхъ условій и крестьянскаго міросозерцанія, прибѣгли въ чигиринскомъ дѣлѣ соціалисты. Не въ нихъ, не въ частныхъ пріемахъ, которые будутъ разнообразиться до безконечности, сообразно съ мѣстными условіями, заключается громадное значеніе подобныхъ попытокъ, а въ томъ, что они впервые показываютъ намъ возможность вызвать на свѣтъ могучую, чисто-мужицкую революціонную организацію, исходя изъ мѣстныхъ крестьянскихъ интересовъ.

Въ одномъ изъ ближайшихъ №№ мы поговоримъ подробнѣе объ этой части нашей программы, а также и о чигиринскомъ дѣлѣ со всѣми его достоинствами и неизбѣжными несовершенствами. Здѣсь же скажемъ: дѣлу этому, подобно дѣлу Засуличъ, суждено быть однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи русской революціи. Какъ дѣло Засуличъ разомъ измѣнило характеръ нашей борьбы съ правительствомъ, такъ это дѣло измѣнитъ характеръ нашей дѣятельности въ средѣ народа.

Оставьте катехизисы и учебники! Погрузитесь въ великое море народное, раскройте ваши очи, разверзайте уши. Прислушайтесь къ рокотанію волнъ народной жизни, уловите ту струю, которая прямо брызжетъ изъ сердца народнаго, и тогда смѣло беритесь за руль вашей лодочки и сильнымъ ударомъ бросайте ее туда, въ самую середину ея. Радостно подхватитъ она васъ и высоко-высоко подброситъ на своихъ могучихъ волнахъ! Труденъ вашъ путь: много утесовъ и подводныхъ скалъ коварно сторожитъ васъ на пути. Не мало водоворотовъ въ глубинахъ этого неизвѣданнаго моря. Не легко отличить дѣйствительно жизненное стремленіе массы отъ уродливыхъ, болѣзненныхъ продуктовъ ея ненормальныхъ условій. Но развѣ трудности пугаютъ бойца? Развѣ не въ нихъ черпаетъ онъ новыя силы для ихъ преодолѣнія? Идите! Вѣруйте въ свой народъ, вѣруйте и въ себя. И вы будете сильны въ бою, тверды въ невзгодѣ.

Много васъ погибнетъ, но уже не съ горькимъ сознаніемъ безплодности своей гибели, не во мракѣ катовъ, а во главѣ народныхъ массъ, въ борьбѣ за святое дѣло ихъ освобожденія!

Мы твердо вѣруемъ въ то, что русская народно-революціонная партія съумѣетъ пойдти по этому новому пути, съумѣетъ избѣгнуть всѣхъ его опасностей, создастъ народную силу—грозную, могучую, непобѣдимую.

Мы вѣримъ въ будущность Русской Народной Революціи!

ФЕЛЬЕТОНЪ.

ПИСЬМО ЧИСТОСЕРДЕЧНАГО РОССІЯНИНА.

I.

«Фу ты, какая жара! хоть бы какой чертъ намъ конституцію далъ!»—заявилъ однажды въ жаркій іюльскій день одинъ изъ моихъ знакомыхъ, вваливаясь ко мнѣ въ комнату. Упованіе, что конституція принесетъ намъ прохладу, какъ помню, очень развеселило меня; но теперь, одумавшись, я нахожу, что встрѣтилъ въ моемъ знакомомъ только доведенное до крайности выраженіе общаго желанія, или, лучше сказать, чаянія большинства русскаго общества.

Въ самомъ дѣлѣ, сознаемся, наконецъ, хоть разъ печатно въ томъ, что давно уже не секретъ ни для кого. Всѣ мы недовольны: соціалисты, тѣ ужъ такой скверный и безпокойный народъ, который никогда ничѣмъ доволенъ быть не можетъ. О нихъ и говорить нечего. Всѣ благоразумные и солидные люди давно ужъ махнули на нихъ рукой, давно порѣшили, что ихъ удобнѣе всего урезонивать палкой. Но у насъ на Руси тѣ-же солидные люди, которые подчасъ готовы составить подписку и объявить конкурсъ на премію за наилучшій способъ изведенія соціалистовъ и насочинять адресовъ въ этомъ смыслѣ, —сами тоже непремѣнно чѣмъ нибудь да недовольны, а въ большинствѣ случаевъ ничѣмъ недовольны. Многіе и адресы и подписки устраиваютъ въ надеждѣ, что авось-молъ за мою вѣрную службу гдѣ слѣдуетъ вспомнятъ наконецъ о моемъ недовольствѣ и примутъ его во вниманіе. Недовольны мы и состояніемъ нашихъ школъ, недовольны мы и новыми судами и судьями, судьи въ свою очередь недовольны. Недовольны мы и результатами войны, и интендантствомъ, и печатью. Недовольна публика, раскупающая газету Суворина, недоволенъ и Суворинъ, у котораго публика раскупаетъ газету.

Поводильщики нашего главнаго барина, кажется, уже могли-бы быть довольны своимъ положеніемъ, но и они, какъ оказывается на повѣркѣ, не чужды общаго недуга. Положимъ, Александръ II, еслибъ онъ былъ такъ же откровененъ, какъ библейскій пророкъ, долженъ былъ бы сказать про себя: «азъ есмь трость книжника-скорописца», или, правильнѣе, книжниковъ-скорописцевъ (Мезенцевыхъ, Адлербергова, Тимашевыхъ, Паленовъ и т. д.). Положимъ, что этимъ скорописцамъ стоитъ только обмакнуть свою трость въ какую-нибудь жидкость наркотическаго или воспламеняющаго свойства, способную марать бумагу,

и дѣло сдѣлано. Императоръ-трость самъ уже начнетъ кувыркаться и выдѣлывать на бумагѣ такіе выкрутасы, какіе имъ нужны. Но занятіе это обременительно для поводильщиковъ. Все-таки они сознаютъ, что они —лакеи, командующіе бариномъ. Самому быть независимымъ бариномъ гораздо лучше. Къ тому-же, трость-императоръ можетъ споткнуться и на гладкомъ листѣ бумаги наставить точекъ и запятыхъ, надѣлать кляксовъ, которые предупредить бываетъ очень трудно, а исправить или выскоблить изъ памяти у кого бы то ни было—невозможно.

Нѣтъ, и поводильщики недовольны. *)

Поговорите по душѣ съ любымъ изъ недовольныхъ; спросите его съ глазу на глазъ, когда онъ увѣренъ, что его не подслушиваютъ: чего же вамъ не достаетъ, чего же вы хотите?

Навѣрно изъ десяти девять отвѣтятъ вамъ шопотомъ, боязливо озираясь по сторонамъ:

«Кабы намъ habeas corpus да конституцію, хоть такую, какую имѣютъ отъ царя зубры въ Бѣловѣжской пущѣ, ну тогда еще можно бы жить!»

Что же это за лекарство отъ всѣхъ золъ? Что подразумѣваютъ подъ словомъ конституція наши недовольные? Почему сложился у насъ теперь такой культъ этому невѣдомому богу?

Въ министры большинство недовольныхъ не мѣтитъ, въ депутаты русскаго парламента или земской думы—тоже, вѣроятно, расчитываютъ попасть немногіе.

Обыкновенный, заурядный обыватель связываетъ съ конституціей другія перемѣны въ своей гражданской обстановкѣ: будетъ конституція, думаетъ обыватель,—будетъ у насъ гласность, свобода печати, всякую несправедливость можно будетъ наружу выводить.

Будетъ конституція—не будутъ деньгами нашими распоряжаться безконтрольно Горвицы и Коганы.

Нѣкоторые, болѣе смѣлые въ своихъ мечтахъ, связываютъ съ конституціей представленіе о свободѣ собраній и ассоціацій, и всѣ безъ исключенія надѣются помощью нея избавиться отъ главнаго, нестерпимаго зла нашей земли—административнаго произвола, самодержавія становыхъ, исправниковъ, урядниковъ и жандармовъ.

Но вмѣстѣ съ этимъ вяжется непремѣнно представленіе, что эту самую конституцію, т. е. всю сумму новыхъ порядковъ, желательныхъ для насъ, дастъ или можетъ дать только царь, и дастъ тогда, когда онъ самъ вздумаетъ.

Не одинъ разъ волновалось русское общество слухомъ, что вотъ-вотъ придетъ желанный мессія, и при каждомъ чрезвычайномъ событіи на Руси снова усиливаются эти слухи.

Ждали, что вотъ послѣ турецкой войны царь объявитъ: «да будетъ конституція!» Говорили на Руси, что не то Побѣдоносцевъ, не то баронъ Жомини съ графомъ Игнатьевымъ уже гдѣ-то заперлись и пишутъ эту самую конституцію.

Скептики охлаждали эти надежды, но пришествія мессіи отрицать не рѣшались. «Вся конституція ограничится допущеніемъ сословныхъ представителей въ парламентъ»—авторитетнымъ тономъ говорили они.

«Пустяки ваша конституція», говорили другіе; «назначенъ слишкомъ высокій цензъ: 1500 десятинъ!»

Очнулось общество отъ этихъ грезъ только тогда, когда вмѣсто конституціи ему подарили указъ объ расширеніи правъ полиціи, той самой полиціи, отъ которой откупаются пятиалтынными и двугривенными, той самой, которая поставляетъ, когда нужно, лжесвидѣтелей по дѣламъ Мясниковыхъ. Словомъ, той самой полиціи, которую споконъ вѣку третируютъ en canaille, отъ глазъ которой заботливо прячутъ всякую цѣнную вещь въ домѣ.

Опомнились россійскіе граждане только тогда, когда эти самые полицейскіе получили отъ его величества безденежно индульгенцію на всѣ грѣхи, которые имъ заблагоразсудится совершить противу публики.

Опомнились, но не на долго. Скоро пошли опять легенды о конституціи. Стали появляться слухи, что старый царь не дастъ конституціи — иначе никакой реформы ужъ не останется на долю Александра III.

И вотъ вѣрноподданные стали громко кричать «ура!» и «многая лѣта!» и вопрошать про себя, какъ въ извѣстной русской пѣснѣ:

„Государь ты мой, Сидоръ Карповичъ,
„Скоро-ль ты помрешь?“

Государь Сидоръ Карповичъ не отвѣтилъ «въ середу, матушка» на этотъ негласный вопросъ. Вѣроятно, онъ скорѣе бы отвѣтилъ: «послѣ дождичка въ четвергъ», «въ сухую пятницу» или что нибудь въ этомъ родѣ, такъ какъ, повидимому, ему умирать вовсе не хочется.

А русская публика все ждетъ да ждетъ, не будетъ ли какого казуса, послѣ котораго могло бы взбрести царю на мысль пожаловать ей конституцію.

Говорятъ, даже по поводу приключенія съ Мезенцевымъ снова начали мечтать наши либералы о пожалованіи имъ конституціи.

На этотъ разъ впрочемъ, вмѣсто конституціи, пожаловали намъ всѣ права и преимущества военнаго положенія и, должно-быть въ качествѣ предтечъ политическаго освобожденія, поставили по улицамъ казаковъ съ увѣсистыми нагайками и пѣшихъ гвардейцевъ съ бляхами.

Довольны или недовольны этой «реформой» столичные обыватели—я не знаю. Знаю только, что въ данномъ случаѣ они сами накликали на себя эту «реформу». Даже «Голосъ» перемѣнилъ свою обычную manière de parler, что если-бы свобода печати, то онъ бы не допустилъ и т. д., а принялся, какъ добрый доѣзжачій кричать: «ату его!»

Это впрочемъ не касается главнаго сюжета моей бесѣды съ читателемъ: прошу извиненія за отступленіе и снова обращаюсь къ старому вопросу.

Какъ же быть теперь? Вотъ и казаки появились на улицахъ, стоятъ уже скоро два мѣсяца, жестоко скучаютъ; лошади ихъ успѣли обломать себѣ всѣ копыта объ мостовую—а конституціи все нѣтъ да нѣтъ.

Неужели такъ и порѣшимъ ждать восшествія Александра III? Вѣдь желать смерти своему ближнему—

*) „Помилуйте, развѣ можно что-нибудь сдѣлать при нашемъ дурацкомъ правительствѣ!„ — сказалъ одинъ изъ нихъ.

грѣхъ, а въ данномъ случаѣ, кромѣ грѣха, еще тяжкое преступленіе, предусмотрѣнное очень внимательно нашими законами.

Шутки въ сторону, а жить въ ожиданіи, что, молъ, богъ дастъ, баринъ «вольную» пожалуетъ, и при этомъ еще претерпѣвать реформы да восточные и западные вопросы, утѣшаясь тѣмъ, что наши архистратиги и «прирожденные витязи», побитые подъ Плевной, одерживаютъ блистательныя побѣды въ конюшняхъ парижской выставки, и считать за великую честь себѣ, что наши молодые господа пьютъ шампанское въ редакціи центральнаго органа парижскихъ домовъ терпимости, Фигаро,—куда какъ непріятно!

У насъ, у русскихъ, немало хорошихъ пословицъ, вродѣ: «самъ плохъ—не дастъ богъ», «дитя не плачетъ—мать не разумѣетъ» и т. п., и мы ихъ очень крѣпко держимся въ домашнемъ обиходѣ; а чуть дѣло коснется вопросовъ общественной жизни—мы ждемъ непремѣнно, что намъ жареные голуби будутъ сами валиться въ ротъ. Стоять разиня ротъ и хлопать глазами—положеніе до такой степени и привычное для насъ и пріятное, что мы изобрѣли цѣлые десятки разныхъ глубокомысленныхъ и даже изящныхъ формулъ для обозначенія такого состоянія. То мы называемъ его «выжиданіемъ событій», то «слѣдованіемъ мудрымъ указаніямъ правительства», то «путемъ мирнаго развитія», то «логикою вещей», словомъ—и не переберешь всѣхъ такихъ хорошихъ словъ.

Плоды этихъ хорошихъ словъ уже приходится вкушать намъ теперь, и хотя мы увѣряемъ всѣхъ, что они очень сладки, однако, разжевавъ хорошенько какой-нибудь изъ такихъ послѣреформенныхъ фруктовъ или овощей, непремѣнно ощупаешь въ немъ зубами то кусочекъ ременнаго кнута, то обломокъ шпицрутена или розги, то заклепку отъ кандаловъ.

Вспомнимъ въ самомъ дѣлѣ, господа, то время, когда на насъ опрокинулся рогъ изобилія реформъ. Мы ихъ, если припомните, ждали, толковали объ нихъ, но ничего для достиженія ихъ не дѣлали; а тѣ, которые дѣлали что-нибудь, отправлены были къ Макару для гонянія телятъ, какъ элементъ неудобный среди общества, способнаго только разѣвать ротъ для кричанія «ура!» и улавливанія подачекъ.

Отчего же вышло такъ, что намъ, несмотря на всю нашу кротость, приходится только претерпѣвать эти благія реформы? Крестьянская реформа самымъ чувствительнымъ образомъ заявила себя въ недоимкахъ, земская—въ новыхъ обложеніяхъ, печатная—въ предостереженіяхъ и запрещеніяхъ и т. д.

Отчего все, что такъ манило насъ въ этихъ реформахъ, оказалось такимъ же мимолетнымъ сновидѣніемъ, какъ и Санъ-Стефанскій договоръ?

Неужели во всемъ виновата опять никому невѣдомая злодѣйка—«сила вещей», на которую все сваливаемъ мы всегда?

Или, можетъ, виноватъ во всемъ злоехидный Александръ II, который сознательно подтасовывалъ и передергивалъ карты, играя съ нами въ реформы?

Я не поклонникъ Александра II, но послѣднее предположеніе готовъ оспаривать до слезъ.

Вѣрнѣе предположить, что онъ и самъ мысленно давалъ намъ реформы не на подержаніе только, а въ вѣчное владѣніе.

Онъ, вообще, добрый человѣкъ.

Это доказывается, во первыхъ: тѣмъ, что онъ запретилъ мужиковъ сѣчь не по закону, а велѣлъ ихъ сѣчь по закону, въ опредѣленное время, передъ сборомъ подушныхъ; во вторыхъ: тѣмъ, что онъ плакалъ въ госпиталѣ около солдатъ, раненыхъ подъ Плевной въ такъ называемомъ «имянинномъ штурмѣ»; въ третьихъ, и это главное: онъ выпить любитъ. Злые, свирѣпые и злоехидные люди рѣдко любятъ закладывать за галстухъ.*)

Какимъ бы онъ ни былъ, однако, хитрецомъ, если бы реформы эти мы достали своими боками, цѣнили бы ихъ, оберегали покрѣпче, не стояли-бы разиня ротъ; словомъ, еслибъ эти реформы были не подарками, не феями, слетѣвшими съ облаковъ,—мы бы съумѣли ихъ удержать во всей ихъ полнотѣ.

Наша исторія съ реформами напоминаетъ мнѣ одинъ анекдотъ, случившійся на зарѣ нашего либеральнаго и реформеннаго возрожденія.

Въ видахъ сліянія сословій, господа дворяне пригласили съ собой откушать купца. Послѣднему было объяснено, что сословія должны слиться, а потому онъ, купецъ, и будетъ торжественно въ дворянскомъ собраніи обѣдать за однимъ столомъ съ предводителемъ и прочими тузами. Бѣдный купецъ, однакоже, вовсе не освоился съ своимъ новымъ положеніемъ и правами. Онъ страшно конфузился, сидѣлъ за столомъ, какъ на иголкахъ. Оффиціанты замѣтили, разумѣется, что за птица сидитъ вмѣстѣ съ господами дворянами, и потому безъ церемоніи обнесли его нѣсколькими блюдами.

Дворяне съ начала обѣда толковали купцу о соединеніи сословій. Предводитель ласково спрашивалъ неофита: «какъ ваше мнѣніе Потапъ Васильевичъ», когда заходилъ оживленный разговоръ, на что послѣдній, съ робостью и привскакивая со стула, неизмѣнно отвѣчалъ: «какъ прикажете, Ваше Превосходительство». Но подъ конецъ обѣда господа дворяне потеряли всякій респектъ къ члену вновь присоединеннаго сословія. Одинъ помѣщикъ даже подсунулъ ему стаканъ чуть не къ носу, со словами: «а налей-ка мнѣ, братецъ!» Послѣ трапезы дворяне, подвышивъ разумѣется, заявили бѣдному купцу, что всѣ купцы—аршинники и хамы и что ихъ нельзя пускать въ благородное общество.

Мы, получивши наши реформы, держали себя, ни дать ни взять, какъ купецъ, бывшій первой жертвой сліянія сословій.

Есть ли какая нибудь гарантія, что мы съумѣемъ вести себя съ большимъ достоинствомъ, когда намъ пожалуютъ большую реформу—конституцію?

Вотъ, другое дѣло, если-бъ намъ не пожаловали, а мы сами добыли себѣ конституцію. Добытое своимъ трудомъ, во-первыхъ, дороже цѣнится пріобрѣтате-

*) Говорятъ, что въ послѣднее время онъ пересталъ пить. Если этотъ слухъ справедливъ—онъ только подтверждаетъ мою мысль. Всѣмъ видимо, что царь сталъ гораздо сердитѣе прежняго

лемъ, во-вторыхъ, мы стали бы добывать себѣ то, что намъ нужно, а не принимать съ благодарностью пожалованное, утѣшая себя тѣмъ, что «даровому коню въ зубы не смотрятъ». Въ-третьихъ, такую конституцію и похерить труднѣе, чѣмъ пожалованную.

Намъ жалуетъ что-нибудь начальство, когда «признаетъ за благо» пожаловать, потому что на него добрый стихъ нашелъ. Найдетъ сердитый стихъ—возьметъ да отниметъ.

Если мы желаемъ настоящей политической свободы—мы должны поставить начальство въ необходимость дать ее, оставить въ немъ твердое убѣжденіе, что намъ безъ нея жить нельзя.

Думаютъ многіе, однакоже, что только бы дали намъ конституцію — а политическая свобода явится сама собой,—что такъ бывало всегда и въ Западной Европѣ.

Не надобно забывать, однако, что въ Западной Европѣ не ждали пожалованія конституціи, тамъ ее добивались. Тамъ приходилось вышибать ее прикладомъ изъ челюстей абсолютизма.

Мы говоримъ: «Ваше Величество, дайте намъ конституцію—мы Ваши рабы по гробъ!»

На Западѣ говорили: «Ваше Величество, извольте дать конституцію, а то худо будетъ!»

И въ 1848 году, разныя Величества и Высочества, Свѣтлости и Сіятельства убѣдились, что такая угроза можетъ быть приведена въ исполненіе.

Не смотря даже на такіе прецеденты—чуть только гдѣ оплошаетъ партія правъ человѣка, правительство является съ большими ножницами и урѣзываетъ гдѣ параграфъ, гдѣ полпараграфа, а гдѣ и цѣлую половину конституціонной хартіи.

Охотниковъ урѣзывать свободу другихъ очень много. Они пользуются для этого всякимъ удобнымъ и неудобнымъ случаемъ. Монархизмъ и въ Европѣ не забылъ еще традицій деспотизма. Посмотрите на современную Германію. За оба выстрѣла въ Императора, Бисмаркъ потребовалъ съ нѣмецкаго народа контрибуцію въ видѣ урѣзокъ конституціонной хартіи, въ видѣ «либеральныхъ жертвъ» для умилостивленія правительства. Какъ древняго Молоха можно было, говорятъ, умилостивлять только человѣческими жертвами, такъ для современнаго монарха самая пріятная жертва—закланіе свободы подданныхъ.

Не только, значитъ, надобно много усилій для завоеванія себѣ свободы, надобно ихъ не мало и для того, чтобы сторожить и оберегать добытое сокровище.

И такъ, что же ждетъ насъ, россійскихъ обывателей? Послѣ долгихъ ожиданій намъ, положимъ, дадутъ наконецъ конституцію. Но она будетъ несомнѣнно изъ плохенькихъ; еще несомнѣннѣе, что и попавшіе въ нее жалкіе намеки на политическую свободу будутъ урѣзаны, общипаны, оттерты разными послѣдующими дополненіями и изъясненіями, какъ это было со всѣми предъидущими реформами.

Что-же дѣлать намъ, чтобы получить не фиктивную, а дѣйствительную политическую свободу?

Объ этомъ мы поведемъ разговоръ въ слѣдующемъ письмѣ.

У ГРОБА.

(посвящается поразившему мезенцева)

Какъ ударъ громовой, всенародная казнь
Надъ безумнымъ злодѣемъ свершилась.
То одна изъ ступеней отъ трона царя
Съ грознымъ трескомъ долой отвалилась.

Безсердечный палачъ упокоенъ на-вѣкъ,
Не откроются мертвыя очи...
И трепещетъ у пышнаго гроба его
Въ изумленіи деспотъ Полночи.

Мраченъ царь. Думу крѣпкую думаетъ онъ:
«Кто осмѣлился стать судіею
Надъ тобою, надъ вѣрнымъ слугою моимъ,
Надъ любимцемъ, возвышеннымъ мною?

«Не злодѣй ли безъ правды и бога въ душѣ?
Не завистникъ ли подлый, лукавый?
Или врагъ потайной, или недругъ лихой,
Преисполненный местью кровавой?»

Все молчитъ. Нѣтъ отвѣта. Кругомъ тишина,
Лишь псаломщикъ кафизмы читаетъ,
Да свѣтильня дрожитъ... и вторично судьбу
Самодержецъ-монархъ вопрошаетъ.

—

Вотъ упала свѣча и потухла, дымясь,
Вслѣдъ за нею потухла другая;
Мракъ густой опустился на бархатный гробъ,
На покровы его дорогіе.

Царь стоитъ и не вѣритъ смущеннымъ очамъ!..
Какъ на гласъ неземнаго велѣнья,
Поднялись и проносятся мимо его
Рой за роемъ живыя видѣнья.

Измозжены, избиты, въ тяжелыхъ цѣпяхъ,
Кто съ простр ѣленной грудью, кто связанъ,
Кто въ зіяющихъ ранахъ на вспухшей спинѣ,
Будто только что плетью наказанъ.

Тутъ и лапоть крестьянскій, и черный сюртукъ,
Женскій локонъ, солдатикъ въ мундирѣ,
И съ веревкой на шеѣ удавленный трупъ,
И поэтъ, заморенный въ Сибири.

Словно духи, на страшную тризну сошлись
Въ часъ условный ночнаго свиданья,
Подлетѣли и, ставши кругомъ мертвеца,
Затянули ему отпѣванье.

ОТПѢВАНІЕ.

Жизнью распутною вскормленный,
Нашею кровію вспоенный,
Жалости въ сердцѣ не вѣдавшій,
Пытки и казнь проповѣдавшій,

Шедшихъ дорогой тернистою
Мявшій стопою нечистою
Въ страшной, неравной борьбѣ!
Вѣчная память тебѣ!

Память позорная
Мысли гонителю!
Память укорная
Злому мучителю!

Непоправимая,
Неизгладимая,
Безчеловѣчная,
Вѣчная, вѣчная
Память тебѣ!

—

И съ проклятіемъ громкимъ они понеслись,
До холодныхъ могилъ добираясь;
Застучали оковы на тощихъ ногахъ,
Въ разшивной катафалкъ ударяясь.

Но видѣнье одно, долетѣвъ до царя,
Передъ нимъ неподвижное встало
И, взглянувъ на него, съ молодого чела
Гробовое сняло покрывало.

Блѣдный ликъ его гнѣвнымъ укоромъ сверкалъ,
Страстный вызовъ во взорѣ свѣтился:
«Царь, ты вѣдать хотѣлъ, кто любимца убилъ,
Кто на подвигъ кровавый рѣшился?

«Не злодѣй, не завистникъ, не недругъ лихой,
Не свои вымещалъ онъ обиды.
То посланникъ смиренный, безстрашный боецъ
Всенародной святой Немезиды.

«Не опричника злого онъ жизни искалъ.
Что опричникъ? ихъ много найдется...
Царь, ты совѣсть спроси—и правдивый отвѣтъ,
Можетъ быть, въ ея нѣдрахъ проснется.

«За тебя изведенъ твой послушный холопъ,
Исполнитель кровавыхъ велѣній.
Ты убійца его! Погляди и казнись—
Это жертва твоихъ преступленій!

—

«Царь, вспоенный коварною лестью рабовъ,
Богъ земной, лишь себя обожавшій!
Властелинъ, безпощадной желѣзной рукой
Свой народъ неповинный сковавшій!

«Ненавистникъ свободы и правды святой!
Нарождавшейся мысли губитель!
Сладострастный, холодный, жестокій старикъ,
Нашихъ силъ молодыхъ развратитель!

«Окруженный плеядой дворцовыхъ свѣтилъ,
Въ облакахъ покупныхъ ѳиміамовъ—
Не разслышалъ ты вопля родимой земли,
За напѣвомъ придворныхъ бояновъ.

«Ты не вѣдалъ, не зналъ за обильнымъ столомъ,
Какъ въ нуждѣ умираетъ голодный;
Двадцать лѣтъ, какъ блудница, съ друзьями моталъ
Ты послѣдній достатокъ народный.

«А повсюду-то голодъ, и холодъ, и моръ!
Обездоленный грабитъ, воруетъ!
Свищутъ розги въ поганыхъ рукахъ становыхъ,
А избитый тѣ руки цѣлуетъ!

«Тамъ, гдѣ Плевна дымится, огромный курганъ—
Въ немъ останки еще не догнили:
Чтобъ уважить царя, въ имянины его
Много тысячъ «своихъ» уложили.

«Имянинный пирогъ изъ начинки людской
Братъ подноситъ державному брату.
А на родинѣ вѣтеръ холодный шумитъ
И разноситъ солдатскую хату.

«Подойди и взгляни! Убивается мать...
Въ казематѣ сгноилъ ея сына
Ты за то, что въ пигмеѣ, въ тебѣ, онъ не могъ
Мірового признать исполина.

«Изъ родимаго дома его увезли
И въ гранитный мѣшокъ посадили,
И на годы, на долгіе годы въ тюрьмѣ,
Какъ ненужную вѣтошь, забыли.

«Вотъ рыдаютъ младенцы, рыдаетъ вдова,
Схоронивши колодника мужа;
Вторятъ имъ невпопадъ, завывая, мятель
И Сибири трескучая стужа.

«Да товарищъ унылый стоитъ въ кандалахъ,
Надъ могильнымъ холмомъ вспоминая,
Какъ завяла во цвѣтѣ загубленныхъ силъ
Безкорыстная жизнь молодая.

«Тамъ невѣста въ слезахъ! Разстрѣляли вчера
Жениха, объявившаго смѣло,
Что не сдастся злодѣямъ, пришедшимъ его
Оторвать отъ великаго дѣла.

«Стонутъ Польша, казаки, забитый еврей,
Стонетъ пахарь нашъ многострадальный,
Истомился въ далекой якутской тайгѣ
Яркій свѣточъ науки опальной.

«Всюду ходитъ бѣда, по селамъ, городамъ,
Во дворы, въ конуры заползая,
Волкомъ бѣшенымъ по міру рыщетъ она,
Воронье на поминки сзывая.

«Стонъ и вопли страдальцевъ до самыхъ небесъ
Горемычной росой поднялися
И вселенскою тучей надъ тономъ твоимъ
Съ цѣлой русской земли собралися.

«И виситъ эта туча и будто бы ждетъ,
Словно крылья орелъ расправляетъ;
Но ударитъ твой часъ—громовая стрѣла,
Какъ архангела мечъ, засверкаетъ.

«Каждый стонъ, каждый вздохъ, пролитая слеза
Въ огнедышащихъ змѣй обратятся
И въ давно зачерствѣлое сердце твое
Милліонами зубьевъ вонзятся.»

—

Все исчезло во тьмѣ
И умолкли правдивыя рѣчи...
Встрепенулся псаломщикъ, опять зачиталъ,
Восковыя затеплились свѣчи.

Все какъ прежде—и гробъ, и покрытый налой,
Зеркала обвиты простынями,
И холодный, суровый въ мундирѣ мертвецъ,
И покровъ съ золотыми кистями.

ПО ПОВОДУ ПОДВИГОВЪ ПРЕССЫ.

Событіе 4-го августа вызвало на свѣтъ божій цѣлую литературу, очень обширную литературу, но мало интересную. Всякій знаетъ, конечно, что шефъ жандармовъ Мезенцевъ никому никакой пользы не приноситъ, никому не нуженъ. Всякій знаетъ, что, исчезни завтра съ лица земли все III Отдѣленіе, весь корпусъ жандармовъ, отъ этого, кромѣ удовольствія, никто ничего не испытаетъ. Неизбѣжно, стало быть, въ статьяхъ должно быть лицемѣріе и напускной пафосъ. Но все имѣетъ предѣлъ. Статьи же, которыми угощаютъ публику гг. Суворины, Полонскіе и Бильбасовы разятъ такимъ букетомъ, что отъ нихъ зажимаетъ носъ даже привычный ко всякому смраду русскій читатель.

Вотъ Бисмаркъ, напримѣръ, тотъ тоже не прочь полицемѣрить. Но когда одинъ изъ соціаль-демократовъ пригрозилъ, что, молъ, и у насъ найдутся Вѣры Засуличъ, — ловкій канцлеръ съумѣлъ найдтись приличнымъ отвѣтомъ. ,,Господа депутаты, сказалъ онъ, можетъ быть, намъ придется жертвовать собою. Но пусть каждый изъ васъ помнитъ, что это будутъ жертвы для спасенія отечества. Такія жертвы приносить не трудно".

Мы не слыхали что-то, чтобъ русскіе публицисты сказали что-нибудь подобное. Они очень щедро раздавали смертные приговоры, бѣсновались, что революціонеры не отдаются сами въ руки полиціи, а заставляютъ ее безплодно бѣгать за ними, высунувъ языкъ; они усердно объявляли о наградѣ въ 50 тыс. за голову исполнителя казни, спѣшили объявить о подпискѣ для увеличенія этого куша; они, какъ бы захлебываясь отъ удовольствія, смаковали картину, какъ соціалисты будутъ испускать на веревкѣ свое послѣднее дыханіе.

Мы не считаемъ нашу публику образцомъ гражданскаго мужества и другихъ гражданскихъ доблестей,—это мы не разъ высказывали ей въ глаза. Но чтобы не отвернуться съ омерзеніемъ отъ того, чѣмъ былъ наполненъ ,Голосъ' и другія газеты, нужна полная потеря всякаго нравственнаго чувства, нужно совершенное оскотиненіе.

Что всѣ завыванія нашей прессы вызвали въ публикѣ одно негодованіе—это доказывается тѣмъ общеизвѣстнымъ фактомъ, что самые ярые изъ борзописцевъ увидѣли даже себя въ необходимости открещиваться впослѣдствіи отъ собственныхъ дѣтищъ. Редакторы говорили: ,,статья была мнѣ прислана"; сотрудники — ,,это мнѣ редакторъ вставилъ". Факты, на которые мы намекаемъ, извѣстны всѣмъ. Они получили даже отголосокъ въ литературѣ. Мы не станемъ разбирать законность подобныхъ оправданій ни съ фактической, ни съ нравственной точки зрѣнія. Для насъ важно, что они должны были оправдываться.

Очевидно, статьи писались не для публики, потому что, что другое, а вкусъ своихъ читателей газетчики наши знаютъ очень тонко.

Для кого же писались онѣ?

Отвѣтъ найдти очень легко.

Зачѣмъ пишутся ,,Голосъ", ,,Новое Время" и tutti quanti?

Чтобы загрести елико возможно больше пятачковъ.

Кто даетъ эти пятачки?

Публика. Поэтому эти газеты либеральны: теперь на этотъ товаръ запросъ.

Кто можетъ прекратить потокъ вожделѣнныхъ пятачковъ?

Правительство. Поэтому газеты эти полны наусьиванья и самой грубой, циничной лести передъ правительствомъ.

Царю Александру, когда онъ узналъ о казусѣ съ Мезенцевымъ, пришла мысль, нелѣпая до геніальности: запретить всѣ газеты, кромѣ правительственныхъ.

И вотъ ,,Голосъ", а за нимъ и другія газеты принимаются строчить свои мерзости, чтобы спасти... что? Литературу? О, если бы они хотѣли спасать литературу! Нѣтъ, чтобы погубить литературу и спасти свои пятачки.

Допустимъ на минуту, что дикая мысль царя приведена въ исполненіе. Очевидно, и въ Россіи и заграницей такая неслыханная мѣра произвела бы страшный переполохъ. Извѣстно, что на другой день послѣ казуса съ Мезенцевымъ, русскій рубль упалъ на заграничныхъ биржахъ на 25 сантимовъ, потому что фактъ этотъ былъ принятъ всѣми, и совершенно основательно, какъ признакъ вовсе не устойчиваго равновѣсія побѣдоносной Россійской имперіи. Спрашивается, какъ отнеслись бы къ государству, которое увидѣло себя вынужденнымъ прибѣгнуть къ такой небывалой мѣрѣ, какъ упраздненіе литературы? Вѣдь эта мѣра, да еще въ совокупности со всѣми прочими, создала бы для Россіи такое же положеніе, какъ внѣшняя война en permanence. Такого положенія не можетъ выдержать ни одно государство, а тѣмъ менѣе Россія.

Очевидно, что русское правительство, послѣ какого нибудь мѣсяца гоненій, принуждено было бы искупить свой грѣхъ крупной подачкой литераторамъ. Все это вещи, ясные до очевидности. И ужъ конечно наши литераторы меньше, чѣмъ кто бы то ни былъ, нуждаются въ нашихъ толкованіяхъ, такъ какъ, въ чемъ другомъ, а въ практической смекалкѣ имъ отказать нельзя.

Но трепетъ за пятачки такъ обуялъ нашихъ литераторовъ, и главнымъ образомъ оберъ-откупщика нашей литературы и всѣхъ направленій кавалера, молчальника Краевскаго, что онъ предпочелъ лучше сдѣлаться палачемъ, чѣмъ рискнуть подвергнуться монаршему гнѣву.

При такомъ характерѣ побужденій литературы въ травлѣ революціонеровъ, мы имѣли бы полное право пройти молчаливымъ презрѣніемъ ихъ задорную болтовню. Но на этотъ разъ мы намѣрены нарушить эту

тактику. Дѣлаемъ это главнымъ образомъ потому, что журналисты наши не ограничиваются одной руганью, понимая, что для такого крупнаго казуса одной ругани недостаточно. Не ограничиваются они и столь привычнымъ имъ шулерскимъ передергиваніемъ фактовъ,—нѣтъ, они съ поистинѣ забавнымъ апломбомъ пускаются оспаривать нашу программу на чисто-теоретической почвѣ,—дѣло, увы, слишкомъ не по силамъ всѣмъ молодцамъ, которыхъ выпустили на насъ Краевскій съ Бильбасовымъ.

Нужно разъ навсегда отбить у нихъ охоту отъ подобныхъ умствованій. Они могутъ клеветать, строчить доносы, науськивать. Это дѣло имъ вполнѣ по способностямъ и этого слишкомъ достаточно для наполненія столбцевъ „Голоса“. Наконецъ, не вредно также и показать публикѣ, каковы ея просвѣтители.

Прежде всего, пусть читатель сравнитъ тонъ брошюры „Смерть за смерть!“ съ передовицами нѣкоторыхъ газетъ, въ особенности „Голоса“.

Брошюра, очевидно, написана людьми, которые не остановятся ни передъ какими страшными вещами. Но найдите тамъ хоть одно слово, обращенное къ звѣрскимъ инстинктамъ, къ кровожадности. Найдите хоть одно слово науськиванья. Напротивъ: вся она проникнута настолько же глубокой скорбью, насколько и рѣшимостью.

Эти „изверги“, эти „злодѣи“ на другой день послѣ своей кровавой побѣды, какъ громомъ поразившей ихъ враговъ, съ чувствомъ жгучей боли восклицаютъ:

«Убійство—вещь ужасная! Только въ минуту сильнѣйшаго возбужденія, доходящаго до потери самосознанія, человѣкъ, не будучи извергомъ, можетъ лишить жизни себѣ подобнаго. Насъ же, соціалистовъ, насъ, посвятившихъ себя дѣлу освобожденія страждущихъ, насъ, обрекшихъ себя на всякія страданія, чтобы только избавить отъ нихъ другихъ,—русское правительство довело до того, что мы рѣшаемся на цѣлый рядъ убійствъ, возводимъ ихъ въ систему!»

И въ этомъ наболѣвшемъ признаніи, за которымъ скрывается вся та страшная трагедія, которую долженъ пережить человѣкъ, чтобы рѣшиться на такое ужасное дѣло, газетный строчила видитъ только поводъ для пошлаго зубоскальства!

Потерявшій самосознаніе исполнитель приговора! Это, по его мнѣнію, должно выдти очень эффектно. Потерялъ сознаніе, значитъ—дѣйствуетъ безсознательно, значитъ—безъ толку. И такъ, безтолковые, полоумные, одурѣвшіе люди судятъ верховныхъ представителей власти. Вотъ вамъ и каламбуръ публициста!

Но этотъ каламбуръ — только цвѣтокъ невиннаго остроумія среди свирѣпыхъ, дышащихъ кровью передовыхъ статей „Голоса“. Вспомните эти хищные восторги публициста по поводу того, какъ соціалисты будутъ издыхать на веревкѣ, вспомните эти совѣты правительству истреблять соціалистовъ, не щадя и сотенъ невинныхъ, и рядомъ съ этимъ плоскія шуточки во вкусѣ заплечныхъ мастеровъ, насчетъ предполагаемыхъ жертвъ гоненія, эти объявленія о 50,000,—возванія не къ долгу, а къ алчности, корыстолюбію,—вспомните все это и рѣшите, кто извергъ: тотъ ли кто сознается, что, въ случаѣ крайности, не пощадитъ и жизни врага, кто, наконецъ, смѣло выходитъ на него, чтобы поразить его или погибнуть самому, или же тотъ, кто изъ своего покойнаго кабинета, прячась подъ своимъ инкогнито, «изъ за угла», науськиваетъ все общество на травлю и безъ того уже травимыхъ людей и соблазняетъ его на это, то кушемъ въ 50,000, то занимательнымъ зрѣлищемъ удавленныхъ нигилистовъ?

И все это ради чего? Ради спасенія отечества? Нѣтъ! Ради разрѣшенія розничной продажи газеты.

Вотъ тебѣ, публика, твои руководители съ ихъ нравственной стороны,—руководители признанные, извѣстные всей читающей Россіи. Вотъ—борцы за свободу, издѣвающіеся надъ тѣмъ, что вольное слово раздается изъ «подземелій». Радуйтесь, господа, если вамъ отъ этого весело, но слушайте и помните:

До тѣхъ поръ, пока наше слово будетъ исходить изъ подземелій, до тѣхъ поръ не будете знать и вы свободнаго слова! До тѣхъ поръ, пока не будетъ дана воля высказываться всякому, и прежде всего соціалисту, до тѣхъ поръ и вы будете вѣчно оглядываться на Главное Управленіе, холопски заглядывать въ подворотни и дрожать, какъ бы васъ не высѣкли.

Теперь—по части передергиванія въ сферѣ фактовъ!

Мы только-что употребили выраженіе «изъ-за угла». Это прямо переноситъ насъ къ одной изъ неудачнѣйшихъ гнусностей того же «Голоса».

«Голосу» нужно было отличиться во что бы то ни стало. Шуточное ли дѣло: газеты раскупаются на расхватъ, а онъ запрещенъ. И вотъ, г. Бильбасовъ вмѣстѣ съ ген. Маковымъ выдумываютъ свое знаменитое «изъ-за угла». *)

Изъ-за угла! Въ какомъ это смыслѣ, позвольте спросить? Въ буквальномъ—такъ это ложь, въ переносномъ—тоже.

Мы нисколько не намѣрены слѣдовать принципамъ рыцарства въ борьбѣ съ нашими врагами. Война объявлена—и притомъ не нами. Враги сами вторглись въ наши мирныя обители, сами начали травить насъ за дѣла, никакой травлѣ не подлежащія. Мы находимся въ такомъ же положеніи, какъ народъ, въ землю котораго вторгнулся иноземецъ, обладающій громаднымъ численнымъ превосходствомъ. Кто упрекаетъ французскихъ франъ-тиреровъ, испанскихъ герильясовъ, русскихъ партизановъ 12-го года, наконецъ, инсургентовъ послѣдняго славянскаго возстанія за то, что они нападали на враговъ нечаянно, врасплохъ, изъ-за засадъ, «изъ-за угла», ловя малѣйшую ихъ оплошность? Кто называетъ ихъ поступки предательскими? А между тѣмъ, мы защищаемъ права еще болѣе священныя, еще болѣе неприкосновенныя, чѣмъ политическая независимость націи. Завоеваніе, если оно идетъ отъ болѣе

*) Въ брошюрѣ „Правительственная Комедія“ совершенно ошибочно названъ авторомъ этой статьи профессоръ военной академіи Богдановичъ. Намъ достовѣрно извѣстно, что въ трудахъ гг. Бильбасова и Макова (будущаго министра юстиціи) онъ никакого участія не принималъ. Ред.

просвѣщенной, болѣе свободной націи—можетъ быть великимъ благомъ для завоеванной страны, какъ было французское завоеваніе для Испаніи, какъ было бы оно несомнѣнно и для Россіи въ 12-мъ году.

Попраніе же личной свободы и достоинства человѣка—всегда величайшее изъ золъ и тягчайшее изъ преступленій.

Значитъ, мы еще болѣе имѣемъ право поднять оружіе на нашихъ враговъ. Численное же превосходство его надъ нами такое, какого не было ни въ одной изъ когда-либо бывшихъ войнъ за независимость. Значитъ, мы еще болѣе имѣемъ право прибѣгать ко всѣмъ тѣмъ хитростямъ и уловкамъ, которыя могутъ сколько-нибудь уравновѣсить наши силы въ борьбѣ, и мы объявляемъ открыто, что всегда будемъ прибѣгать къ нимъ безъ малѣйшаго колебанія. Мы будемъ поражать нашихъ враговъ и днемъ и ночью, и спереди и съ тылу, и въ открытомъ полѣ и изъ засады, и бодрствующихъ и сонныхъ.

Мы даже предлагаемъ „Голосу“ заранѣе заготовить на эти случаи по передовицѣ, дышащей самымъ благороднымъ негодованіемъ противъ нашей гнусности. Впослѣдствіи онъ напечатаетъ ихъ раньше всѣхъ другихъ газетъ и получитъ не одну лишнюю сотню пятачковъ.

Но на этотъ разъ, къ сожалѣнію, „Голосъ“ поторопился и, какъ дуракъ въ одной народной сказкѣ, крикнулъ „вѣчная память!“ когда нужно было крикнуть: „желаю здравствовать!“

Дѣло именно въ томъ, что поступокъ на Михайловской площади, по соображеніямъ и причинамъ о которыхъ распространяться нечего, былъ совершенъ именно съ соблюденіемъ всѣхъ правилъ даже не правильной войны, при которой допускается какое угодно численное превосходство, а правильнаго поединка.

Когда противники принадлежатъ къ одной національности и классу, поединокъ производится одинаковымъ оружіемъ. Когда же они принадлежатъ къ разнымъ, то каждый выходитъ въ своихъ національныхъ доспѣхахъ и вооруженіи.

Дѣло 4 авг. было именно поединкомъ послѣдняго рода, въ которомъ, если были на чьей-нибудь сторонѣ преимущества, то ужъ конечно на сторонѣ шефа жандармовъ.

Развѣ исполнитель подвергался меньшей опастности? На сторонѣ Мезенцева стояла вся улица, вся полудикая «толпа», куча городовыхъ и, наконецъ, доблестный камергеръ Бодиско, искавшій пистолета, чтобы храбро выстрѣлить изъ окна но уѣзжавшимъ.

Развѣ Мезенцевъ не зналъ, что ждетъ его? Развѣ не имѣлъ онъ времени принять всѣ предосторожности?

Вотъ противники на площади. Сколько случайностей—и всѣ гибельныя для исполнителя! Дѣло происходитъ среди бѣла дня, въ центрѣ города. Никакой возможности остановить проѣзжихъ, прохожихъ, всадниковъ, солдатъ, городовыхъ, которые по столицѣ двигаются ежеминутно.

Вотъ противники медленно идутъ другъ на друга,—ближе, ближе... Вотъ они уже ясно видятъ въ лицо другъ друга. Развѣ не могъ Мезенцевъ замѣтить какое нибудь волненіе на лицѣ врага? Развѣ не могъ онъ, наконецъ, когда сверкнулъ передъ его глазами кинжалъ, схватить, толкнуть, остановить на секунду поднятую на него руку? Мезенцевъ былъ человѣкъ сильный и, несомнѣнно, нетрусливый. Онъ могъ не потеряться. Съ нимъ рядомъ шелъ его спутникъ Макаровъ, который тоже могъ не растеряться, при видѣ опасности. Противъ нихъ же стоялъ исполнитель одинъ, потому что товарищъ его былъ въ сторонѣ, имѣя цѣлью лишь наблюденіе за Макаровымъ.

Итакъ, опасности и шансы были болѣе чѣмъ одинаковы для обѣихъ сторонъ. Это была борьба мужества, хладнокровія и рѣшимости. У соціалиста оказалось ихъ больше—и онъ побѣдилъ!

Не можемъ пройдти молчаніемъ еще одного курьеза. Послѣ того, какъ исполнители, почти чудомъ, спаслись отъ погони враговъ, „Голосъ“ дѣлаетъ имъ милое приглашеніе: предать себя въ руки, такъ называемаго, правосудія.

Господа, вы просто смѣшны! Съ какого это времени побѣдитель обязывается предавать себя въ руки враговъ? Отчего вы не потребовали, чтобы русская армія сдалась туркамъ, послѣ побѣды надъ ними?

Но это предложеніе, смѣшное само по себѣ, въ вашихъ устахъ становится гнуснымъ.

Знаете ли вы, господа, что самый почтенный человѣкъ изъ васъ все таки выходитъ г-нъ Думашевскій? Его только угрозой ссылки въ Сибирь могли заставить отпереться отъ своихъ словъ*); вы же назовете черное бѣлымъ и бѣлое чернымъ, ради одной розничной продажи.

Вы отлично знаете, какому страшному риску подвергались совершавшіе дѣло 4 августа. Вы сами декламировали, и очень пространно, о «неслыханной дерзости», о «безпримѣрной наглости» этого поступка. Иные изъ васъ (Петерб. Вѣд.) даже послѣ того, какъ фактъ совершился, отказывались вѣрить въ возможность спасенія тѣмъ способомъ, какимъ оно произошло, и объясняли его какимъ то «отводомъ глазъ».

Да, господа, изъ тысячи подобныхъ покушеній, которыми полна исторія, много если десять имѣютъ такой исходъ, какъ дѣло на Михайловской площади.

И что же? Вы, вы жалкіе строчилы, трепещущіе косого взгляда своего барина, вы не осмѣливающіеся даже заикнуться о томъ, о чемъ вамъ велѣно молчать, вы, поджавшіе хвосты, какъ собаченки, когда послѣ дѣла Засуличъ на васъ прикрикнуло правительство,—вы обвиняете этихъ людей въ недостаткѣ мужества!

Мужественные люди! На низости у васъ дѣйствительно много мужества, но ни въ чемъ другомъ вы его не обнаружили.

Оставьте же ваши благородные порывы и закажите и другу и недругу заговаривать когда-нибудь о мужествѣ. Тема эта слишкомъ убійственна для васъ.

Но и умствованіямъ по части соціализма мы вамъ предаваться не совѣтуемъ, потому что, не ровенъ часъ, обнаружатся при этомъ, какъ вы это сейчасъ увидите, такія качества „ума“, которыя идутъ совершенно въ параллель съ вашими „качествами сердца“.

*) Объ этомъ смотри ниже, въ отдѣлѣ „Разныхъ извѣстій“.

Мы нарочно отодвинули къ концу статьи разборъ теоретическихъ, научныхъ возраженій ‚Гол.‘ Нужно же дать отдохнуть нашему читателю и закончить комическимъ эпизодомъ мрачную картину нравственнаго паденія нашихъ „руководителей“.

Цвѣты краснорѣчія ‚Гол.‘ мы оставляемъ въ сторонѣ, хотя нѣкоторые изъ нихъ очень милы. Какъ вамъ нравится, напр., претензія ‚Гол.‘ говорить отъ имени „всѣхъ честныхъ людей“ и отъ ихъ лица объявлять заочное презрѣніе къ русскимъ революціонерамъ?

Хороши бы были русскіе честные люди, еслибъ они походили на ‚Гол.‘; еслибъ нравственный обликъ ихъ могъ резюмироваться, какъ для названной газеты словами «чего изволите!»; еслибъ они въ одно и то же время *первые* могли быть за какую-нибудь мѣру и *первые* же противъ нея, въ чемъ уличили ‚Гол.‘ его же собратья.

Скоро, кажется, Горвицъ и Коганъ начнутъ проповѣдывать безкорыстіе, а Треповъ съ Куриѣевымъ выступятъ противниками самоуправства!

Сущность возраженій „Голоса“ противъ брошюры «Смерть за смерть!» сводится къ тому, что авторъ брошюры не умѣетъ отличать общественныхъ вопросовъ отъ государственныхъ, потомъ—что онъ хочетъ вести борьбу съ буржуазіей, которой въ Россіи не существуетъ. А такъ какъ не существуетъ буржуазіи, то, по мнѣнію „Голоса“, не можетъ быть и почвы для соціализма. Стало быть, соціализмъ въ Россіи—явленіе чисто-подражательное, навѣянное извнѣ. Русскіе соціалисты — это шайка невѣжественныхъ и злонамѣренныхъ людей, опасныхъ только своею дерзостью. Кромѣ того, этой шайкѣ приписывается „Голосомъ“ нелѣпое намѣреніе извести всю буржуазію, то есть, по мнѣнію „Голоса“, немногочисленный и европейски-образованный классъ русскаго общества, къ которому сотрудники органа Краевскаго, безъ сомнѣнія, причисляютъ и себя.

Мы начнемъ наши возраженія съ конца. Проэктъ вырѣзать поголовно русскую «буржуазію» навязанъ русскимъ соціалистамъ благодаря фигуральности выраженія автора брошюры, гдѣ онъ говоритъ, что цѣль соціалистовъ — вырвать ея привиллегіи вмѣстѣ съ жизнью. Разумѣется, подобное толкованіе этого мѣста могло придти только въ голову газетѣ, проповѣдующей поголовное истребленіе соціалистовъ для спасенія отечества. Бѣдный публицистъ, очевидно, не дорось до пониманія той простой истины, что, пока имѣются въ наличности условія для существованія извѣстной категоріи лицъ, до тѣхъ поръ безполезны всякія репрессивныя мѣры и преслѣдованія противу этихъ лицъ; очевидно, онъ не хотѣлъ или не могъ понять разъясненія событія 4-го августа. По недомыслію или по недобросовѣстности, онъ ставитъ послѣднее на одну доску съ «хожденіями въ народъ»—смѣшиваетъ пропаганду идей съ мѣрами самозащиты, къ которымъ прибѣгаютъ всѣ партіи, когда гоненія и преслѣдованія противъ нихъ не оставляютъ имъ другого исхода.

Соціалисты очень хорошо знаютъ всю нелѣпость подобныхъ проэктовъ истребленія. Это основное вѣрованіе каждаго изъ нихъ. Благодаря ему, они не боятся ни гоненій, ни самой смерти и, разумѣется, они не станутъ проповѣдывать той идеи, которая прежде всего опровергается ихъ собственной неистребимостью, на зло всевозможнымъ гоненіямъ. Смерть буржуазіи — не смерть Мезенцева: это уничтоженіе ея существованія, какъ класса, — уничтоженіе, или, лучше сказать, измѣненіе экономическаго строя, благодаря которому она и существуетъ.

Разумѣется, только вы можете называть идиліей борьбу за измѣненіе экономическихъ условій. Всѣ знаютъ уже по опыту, что это самая страшная борьба, которая когда-либо только велась. Отъ такихъ идилій стынетъ кровь въ жилахъ. Никто не рисуетъ себѣ картины миролюбиваго рѣшенія соціальнаго вопроса, кромѣ людей, сознательно или безсознательно морочащихъ публику. Но кровопролитіе вовсе не цѣль и не средство борьбы за соціализмъ; оно—неизбѣжное зло—не больше. Его предвидятъ, къ нему готовятся, все-равно, какъ государство готовится къ войнѣ, когда не надѣется порѣшить даннаго международнаго вопроса мирнымъ путемъ.

Но, скажите, кто-же, кромѣ Чингисхана, ставилъ задачею войны—истребить извѣстную національность? Русское правительство — и то не задается подобною задачею. Въ Польшѣ оно, кромѣ истребленія, ввело «обрусеніе», т. е. измѣненіе условій жизни польскаго народа на русскій ладъ. Кому же въ голову можетъ придти —уничтожить цѣлый рядъ международныхъ экономическихъ отношеній, истребляя простыхъ носителей этихъ отношеній. И вы совершенно не кстати острите насчетъ того, какъ каждый гражданинъ, въ ожиданіи смерти, будетъ разсуждать: буржуа онъ или нѣтъ? Особенно не кстати вамъ острить такъ отъ своего лица. Какія бы каннибальскія воззрѣнія вы ни приписывали соціалистамъ, вы должны въ то же время знать, г. издатель „Голоса“ и, вмѣстѣ съ тѣмъ „Отеч. Зап“, гг. издатели „Рус. Об.“ и сотрудники „Голоса“, что съ вами всякой партіи безъ исключенія можно покончить свои счеты гораздо болѣе дешевымъ способомъ, если только, паче чаянія, вы кому-нибудь понадобитесь.

Однакоже мы, несмотря на громкія и высокомѣрныя опроверженія „Голоса“, повсюду употребляемъ слово буржуазія, не опровергнувъ умозаключеній этой газеты. Приходится сдѣлать это, хотя, сознаемся, дѣлаемъ мы это очень неохотно. Совѣстно просто становится—развивать передъ читателемъ мысли, извѣстныя ему чуть не изъ букварей. И новаго въ этихъ мысляхъ рѣшительно нѣтъ ничего. Одинъ русскій публицистъ, разсчитывая на поголовное невѣжество иностранцевъ относительно Россіи, вздумалъ какъ-то, года три тому назадъ, разсказывать имъ сказки насчетъ всесословности русской земли, отсутствія буржуазіи въ Россіи и сословныхъ тенденцій въ русской внутренней экономической политикѣ, но и тамъ онъ былъ обозванъ Энгельсомъ и Марксомъ «зеленымъ гимназистомъ» и принужденъ былъ замолчать передъ своими оппонентами.

Кто же не знаетъ у насъ, въ самомъ дѣлѣ, избитой мысли, что анти-буржуазная, по мнѣнію ,,Голоса", крестьянская реформа была рѣшительнымъ шагомъ въ дѣлѣ установленія буржуазныхъ отношеній между работниками и работодателями на Руси?

Не будемъ спорить,—можетъ быть, въ головахъ составителей положенія 19 февраля идея освобожденія мужиковъ съ надѣломъ не имѣла ничего буржуазнаго, но на практикѣ, въ приложеніи къ жизни, она послужила главнымъ образомъ развитію буржуазнаго порядка вещей. Разсужденій на тему объ обезземеленіи крестьянства послѣ реформы, о кулачествѣ, о спекуляціяхъ на счетъ крестьянскаго имущества и труда можно найти сколько угодно даже въ передовыхъ статьяхъ того же ,,Голоса".

Кромѣ крестьянской реформы, ,,Голосъ", въ доказательство безсословныхъ, или, лучше сказать, антибуржуазныхъ тенденцій русскаго общества, ссылается на заявленія земствъ въ пользу подоходнаго налога.

Но подоходнаго налога у насъ нѣтъ, и ничто намъ не ручается, что эту идею не постигнетъ на практикѣ судьба крестьянской реформы.

Наконецъ, изъ примѣра Запада мы видимъ, что подоходный налогъ нисколько не мѣшаетъ развитію буржуазіи. Въ Англіи онъ существуетъ около сотни лѣтъ и во время-то его существованія англійская буржуазія и достигла своего мірового господства.

Въ отвѣтъ на заявленіе ,,Голоса" объ анти-буржуазныхъ тенденціяхъ нашего общества, можно было бы спросить: съ какою же цѣлью и съ какими намѣреніями у насъ производятся постоянныя подкапыванья крестьянской общины? Куда это исчезаетъ наша домашняя мелкая промышленность? — можетъ быть, это тоже указываетъ на отсутствіе буржуазныхъ элементовъ въ обществѣ?

Но намъ даже нѣтъ надобности въ ссылкахъ на такія отдѣльныя явленія. Вопросъ о существованіи или несуществованіи русской буржуазіи рѣшается гораздо общѣе и проще.

До сихъ поръ въ экономическомъ мірѣ извѣстны три главныхъ категоріи отношеній между имущими и неимущими классами: 1) отношенія рабовладѣльца къ рабу, преобладавшія въ античномъ мірѣ надъ всѣми другими; 2) отношенія землевладѣльца къ крѣпостному крестьянину, господствовавшія на Западѣ въ средніе вѣка, и у насъ установившіяся во второй половинѣ XVII столѣтія и развивавшіяся въ XVIII и началѣ XIX столѣтія; 3) отношенія капиталовладѣльца къ вольнонаемному работнику, установившіяся теперь въ Европѣ и называемыя буржуазнымъ порядкомъ вещей.

Подъ какую изъ перечисленныхъ категорій подведете вы, господа публицисты, существующій нынѣ распорядокъ на Руси?

Впрочемъ ,,Голосъ", съ Лассалемъ въ рукахъ—котораго, по его словамъ, соціалисты учатъ наизусть, какъ православные катехизисъ, и считаютъ непогрѣшимымъ папою*)—доказываетъ намъ, что обладатель обширной фабрики, эксплуатирующій тысячи рабочихъ, владѣлецъ тысячъ десятинъ земли, обрабатывающій ихъ наемными рабочими, вовсе не буржуа; буржуа онъ дѣлается только тогда, когда владѣніе капиталомъ даетъ ему особыя политическія права и привиллегіи, однимъ словомъ, что буржуазія—терминъ чисто-политическій.

Изъ этого опредѣленія выходятъ очень курьезные выводы.

Какъ извѣстно, на Западѣ существуютъ государства: Франція, Германская имперія, Швейцарія, гдѣ каждый взрослый гражданинъ, будь онъ милліонеръ или поденщикъ, пользуются одинаковыми политическими правами. Всеобщая подача голосовъ даетъ одинаковое право опускать свой избирательный бюллетень въ урну, принимать и отвергать извѣстный законопроэктъ, какъ Ротшильду, такъ и послѣднему сапожнику. Во французскомъ сенатѣ рядомъ съ герцогомъ Одиффре Пакье засѣдаетъ столяръ Толэнъ.

Въ этихъ странахъ, гдѣ соціализмъ пустилъ самые глубокіе корни, гдѣ происходили не разъ сцены кровавой борьбы пролетарія съ капиталистомъ,—слѣдуя опредѣленію ,,Голоса", нѣтъ буржуазіи.

Нѣтъ, господа, нахальство, передергиваніе и наѣздничество тоже заводятъ иногда въ неисходныя дебри.

Вы совершенно напрасно навязали намъ Лассаля въ папы и совершенно неудачно спрятались за его спиной.

Какъ извѣстно, Лассаль произносилъ передъ рабочими свою знаменитую рѣчь объ идеѣ рабочаго сословія, когда въ Пруссіи господствовали порядки, налагавшіе узду на свободное слово. Не вставь Лассаль нѣсколько замѣчаній насчетъ святости собственности въ свою статью—ему бы пришлось очень плохо. Какъ извѣстно, и за эту рѣчь онъ высидѣлъ 6 мѣсяцевъ въ тюрьмѣ.

Лассаль былъ однимъ изъ первыхъ борцовъ за прямое и всеобщее избирательное право въ Германіи. Это былъ краеугольный камень его агитаціи. Онъ говорилъ передъ прусскими рабочими, когда тамъ господствовала классная избирательная система, соотвѣтственно классной подати. Поэтому онъ и выставилъ рабочимъ конкретный, мѣстный, чисто-прусскій признакъ буржуазіи — ея политическія прерогативы. Хотя въ то же время цѣлью его агитаціи, средствомъ для рѣшенія рабочаго вопроса была замѣна капиталистическаго производства ассоціаціоннымъ. Стало быть, онъ вовсе не думалъ успокоиться на лаврахъ, отнявши у буржуазіи ея политическія привиллегіи.

Наконецъ, во время Лассаля было еще простительно возлагать разныя утопическія надежды на чудодѣйственную силу suffrage universelle.

Послѣ же опытовъ послѣднихъ лѣтъ, послѣ новѣйшихъ изслѣдованій въ области экономическихъ отно-

*) Замѣтимъ, что такихъ почитателей Лассаля нынѣ нѣтъ даже на родинѣ знаменитаго агитатора. Лассаль былъ и остается, безспорно, самымъ яркимъ и самымъ талантливымъ практическимъ дѣятелемъ нѣмецкаго соціализма, но далеко не самымъ полнымъ и послѣдовательнымъ мыслителемъ его. Главой этой школы считается, какъ извѣстно, Марксъ, который открещивается отъ многихъ выводовъ и положеній своего послѣдователя. Даже въ русской легальной литературѣ „Голосъ" могъ бы найдти обстоятельныя свѣдѣнія обо всемъ этомъ.

шеній—искать спасенія отъ золъ капитализма во всеобщей подачѣ голосовъ, говорить о буржуазіи, какъ о терминѣ чисто политическомъ—по меньшей мѣрѣ странно.

Не менѣе нелѣпо и утвержденіе, будто соціализмъ возможенъ только при развитомъ буржуазномъ строѣ.

Любой учебникъ по исторіи соціальныхъ ученій скажетъ вамъ, г. публицистъ, что соціализмъ являлся повсюду, гдѣ только было неравенство въ обществѣ, гдѣ существовала экономическая зависимость одной части населенія отъ другой.

Это такая избитая истина, что на ней и останавливаться излишне.

Объясняя событіе 4-го Августа, брошюра «Смерть за смерть!» заявила, что программа соціалистовъ—борьба на экономической почвѣ. Она старалась показать читателю, что политическія убійства вовсе не методъ ихъ борьбы, что это отдѣльный эпизодъ, вызванный гоненіями правительства. Она выставила рядъ совершенно умѣренныхъ и законныхъ требованій, при исполненіи которыхъ повтореніе событія 4-до Августа дѣлалось бы невозможнымъ.

Она поясняла, что мы никогда не выйдемъ изъ предѣловъ самозащиты; говорила, что своихъ завѣтныхъ цѣлей мы добиваемся инымъ путемъ.

Что же дѣлаетъ «Голосъ»?

Нахальнѣйшимъ образомъ увѣряетъ, что соціалисты объявившіе себя борцами на почвѣ экономическихъ и общественныхъ отношеній, не понимая сами чего хотятъ, требуютъ политическихъ и государственныхъ реформъ!

Объясняться по этому поводу съ «Голосомъ» мы не намѣрены: пусть онъ сначала поучится добросовѣстности и отвыкнетъ отъ передергиваній; но для публики вообще мы считаемъ нелишнимъ сдѣлать нѣкоторое поясненіе, такъ какъ недоразумѣній по этому поводу намъ допускать не хотѣлось бы.

Всѣмъ извѣстно, что-такое война. Это борьба двухъ противниковъ съ оружіемъ въ рукахъ.

Въ настоящее время война — явленіе неизбѣжное, зло необходимое. Но умные и честные люди всѣми силами стараются ограничить дѣйствіе этого зла предѣлами его необходимости.

Для этого и собираются разные международные конгрессы и комитеты, гдѣ стараются установить такія правила для войны, которыя, не ослабляя силъ противниковъ, устранили бы изъ этой борьбы звѣрское, безполезное кровопролитіе, лишнюю, безполезную трату силъ.

Никто, конечно, не думалъ, что послѣ принятія европейскими государствами женевской конвенціи Краснаго Креста прекратятся войны. Цѣль подобныхъ учрежденій—низвести размѣры военныхъ потерь и жертвъ войны до предѣловъ необходимости.

Мы — тоже воюющая сторона. Противникъ нашъ поступаетъ съ нами недостойнымъ, звѣрскимъ образомъ. Онъ ведетъ борьбу не съ цѣлью выиграть позицію, а—истребить, перекалѣчить и сдѣлать несчастными какъ можно больше народу. Дикая жестокость съ его стороны, нарушеніе правилъ и условій войны, имъ самимъ же признанныхъ, заставляетъ насъ казнить смертью наиболѣе нахальныхъ его баши-бузуковъ и мародеровъ.

Желая избавить себя отъ этой тяжелой необходимости, мы и предлагаемъ ему условія борьбы, которыя, по нашему мнѣнію, долженъ принять всякій честный и вѣрящій въ свою правоту противникъ.

На этихъ условіяхъ мы настаиваемъ, нетолько въ своихъ собственныхъ интересахъ, но и въ интересахъ мирнаго населенія страны, которое остается зрителемъ борьбы.

Разумѣется, со свободой печати, сходокъ, гласнымъ судомъ надъ политическими преступниками не прекратится наша борьба, но она приметъ болѣе человѣчный характеръ.

Принять ихъ или не принять—дѣло противника, но борьбы прекратить мы не можемъ. Если съ нами станутъ поступать по прежнему — и мы должны будемъ прибѣгать къ такимъ средствамъ отъ которыхъ противнику тоже не поздоровится.

Вотъ весь смыслъ декларацiи, сдѣланной въ брошюрѣ «Смерть за смерть!».

«Голосу» однако показалось недостаточно его регулярной арміи для борьбы «изъ за угла»; онъ вызвалъ изъ какихъ то пещеръ мудреца Керима, заставивъ его ломаться передъ публикой и писать какое-то бормотаніе о матеріализмѣ и соціализмѣ. Возражать этому дервишу невозможно, потому что обыкновенному смертному и понять его нѣтъ возможности. Да и надобности нѣтъ: неужели возражать человѣку, утверждающему, что матеріалисты отрицаютъ идеи,—матеріалисты, послѣдователи извѣстной филосовской школы, которая сама представляетъ собою систему идей. Неужели-же всѣ матеріалисты настолько тупы, что отрицаютъ то, чего сами придерживаются? Неужели, если не мудрецу Кериму, то другимъ сотрудникамъ и редакторамъ ‚Голоса‘ неизвѣстно, что идей матеріалисты никогда не отрицали, а только объясняли особеннымъ образомъ происхожденіе ихъ?

О матеріализмѣ и матеріи мудрецъ Керимъ разсуждаетъ, ни дать ни взять, какъ прикащикъ изъ магазина Крундышева или портной, который знаетъ только ту матерію, которая отмѣривается аршиномъ отъ куска.

И что за идея смѣшивать соціализмъ съ матеріализмомъ?

Развѣ Бабэфъ, Луи-Бланъ, Фурье и Пьеръ Леру не были чистѣйшими идеалистами, а послѣдній даже мистикомъ? Или ‚Гол.‘ ничего не слыхалъ о затѣяхъ религіозныхъ соціалистовъ, такъ называемыхъ Staats-socialist'овъ, въ нынѣшнемъ году въ Германіи?

Возраженіе наше «Голосу» вышло длиннѣе самихъ статей его; просимъ за это извиненія у читателя, но просимъ также принять во вниманіе, что наговорить голословнаго вздору гораздо легче, нежели опровергать его по пунктамъ.

Впрочемъ не одинъ ‚Гол.‘ началъ заговариваться и бредить по поводу событія 4-го августа. Самъ солидный «Вѣстн. Евр.» потерялъ свое олимпійское спокойствіе, залепеталъ и принялся выкликать, какъ кликуша: по-

милуй богъ, если за это цензуру на насъ напустятъ, помилуй богъ отъ политическаго фанатизма, — бѣда, бѣда!

Положимъ, внутренній обозрѣватель этого журнала никогда не грѣшилъ ни особенно чуткимъ политическимъ тактомъ, ни чистоплотностью. Онъ только всегда старался тщательно прикрывать «рабьи мысли» звонкими фразами. Казанскую демонстрацію онъ обозвалъ затѣей стариковъ, выжившихъ изъ ума. Къ сербскому переводу Тургеневской «Нови» издатели приложили рѣчь Бардиной; «Вѣстн. Евр.» заподозрилъ ея подлинность на основаніи того соображенія, что рѣчи этой нѣтъ въ «Прав. Вѣстн.', что, на самомъ дѣлѣ, для всякаго русскаго должно бы служить лучшимъ доказательствомъ подлинности и неискаженности даннаго документа.

Въ виду всего этого, мы могли бы оставить безъ вниманія разныя благоглупости, развиваемыя г. Полонскимъ по поводу 4-го августа; но нѣкоторыя его выходки настолько дики и неприличны, что поневолѣ приходится ихъ отмѣтить и указать автору его мѣсто въ литературѣ.

Въ жару либеральной полемики съ «Моск. Вѣд.», г. Полонскій развиваетъ, по поводу извѣстнаго дѣла Засуличъ, такую мысль: присяжные вынесли оправдательный вердиктъ виновницѣ покушенія на Трепова изъ снисхожденія къ ея нравственной испорченности. Она, молъ, съ дѣтства развивалась и росла при такихъ условіяхъ, среди которыхъ у нея не могло выработаться правильнаго понятія о добрѣ и злѣ.

Стало быть, по вашему мнѣнію, г. внутренній обозрѣватель «Вѣсти. Евр.», интеллигентный Петербургъ устраивалъ манифестацію нравственному уроду? Ради нравственнаго урода подвергался онъ опасности быть избитымъ и даже застрѣленнымъ изъ жандармскаго револьвера?

О, высоконравственный писатель! Если вамъ ничего не стоитъ плюнуть въ лицо кому бы то ни было, когда за это не грозитъ кутузка и когда надобно показать свою благонамѣренность передъ начальствомъ, —вы постыдились бы хоть петербургской публики! Вѣдь, по вашему, она возвела въ апоѳеозъ олицетворенное нравственное уродство!

Скажемъ еще два слова по поводу политическихъ убійствъ, прежде нежели мы разстанемся съ вами. Вы съ апломбомъ, достойнымъ лучшаго дѣла, авторитетно утверждаете, что убійства никогда дѣлу свободы не служили. Не только они зачастую служили ему, мой милый, они даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ неразрывно слились въ памяти народа съ самымъ именемъ свободы. Спросите вашего сотрудника, Пыпина, насчетъ легенды о героѣ Косова Поля, «кинжальщикѣ» Милошѣ Обреновичѣ, поразившемъ турецкаго султана, и сходите раза два въ оперу, послушайте «Вильгельма Телля» Россини и «Юдифь» Сѣрова. (Занятій исторіей мы вамъ не рекомендуемъ—вамъ пришлось бы начать съ курса уѣзднаго училища, что въ зрѣломъ возрастѣ несовсѣмъ удобно.)

Какая, однакоже, была безнравственная женщина эта г-жа Юдифь! Она гораздо безнравственнѣе самой Вѣры Засуличъ!

Я ужъ право не знаю, какъ не запретятъ давать на сценѣ произведеній такихъ вредныхъ людей, какъ Россини и Сѣровъ. А Шиллера давно бы пора сжечь и въ переводѣ и въ подлинникѣ.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Съ величайшимъ удовольствіемъ помѣщаемъ въ нашей газетѣ настоящую корреспонденцію. Долгая національная вражда между русскими и поляками обѣщаетъ наконецъ прекратиться, въ виду общихъ соціально-революціонныхъ задачъ, и обѣ націи готовятся слиться въ одномъ братскомъ союзѣ для борьбы со своимъ общимъ врагомъ.

Открываемъ столбцы нашего изданія польскимъ революціонерамъ-соціалистамъ для всѣхъ могущихъ понадобиться имъ заявленій и извѣщеній, и надѣемся, что ихъ собственный органъ не заставитъ себя долго ждать. Ред.

ВАРШАВА. (1 октября 1878 года). Уже въ началѣ текущаго года ходили по городу упорные, хотя въ то же время весьма неопредѣленные слухи о дѣятельности какого-то соціалистическаго кружка, которому молва приписывала самыя ужасныя намѣренія и самыя нелѣпыя цѣли. Хотя эти слухи и были отголоскомъ того, что дѣйствительно начиналось въ то время, но, конечно, они были такъ же далеки отъ истины, какъ и все, что вызывается словомъ „соціализмъ“ въ головахъ нашихъ шляхтичей-буржуа.

Выражая, въ подражаніе западно-европейской буржуазіи, свое негодованіе на соціалистовъ, наши патріоты заблаговременно стали заботиться объ „искорененіи зла“. Завѣдомая ложь, безцеремонныя клеветы и доносы, конечно, не совсѣмъ удачные, вотъ средства, къ которымъ уже тогда прибѣгали сыновья и братья героевъ 63-го года. Обществу они указывали на лицъ, состоявшихъ, по ихъ догадкамъ, въ соціалистическомъ кружкѣ, какъ на агентовъ русскаго правительства, которое, будто бы, прислало ихъ въ Царство Польское для возбужденія вражды между сословіями, чтобы, согласно принципу divide et impera, сдѣлаться необходимымъ защитникомъ интересовъ имущихъ, до сихъ поръ враждебныхъ ему классовъ. Съ другой стороны, въ корреспонденціяхъ въ заграничныя и польскія газеты этихъ лицъ называли властямъ по фамиліямъ, какъ опасныхъ для Русской имперіи агитаторовъ. Нѣкоторыя изъ этихъ корреспонденцій попали въ наши руки, и мы потребуемъ, можетъ быть въ очень недалекомъ будущемъ, строгаго отчета отъ ихъ авторовъ. Пока мы считаемъ нужнымъ заклеймить именемъ доносчика редактора варшавской газеты „Echo“, Сигизмунда Сарнецкаго.

Съ теченіемъ времени, слухи о дѣятельности въ Варшавѣ соціалистическаго кружка дѣлались все бо-

лѣе и болѣе опредѣленными. Сообразно съ этимъ, увеличивалось и количество доносовъ непрошеныхъ охранителей порядка.

Наконецъ, 5 августа (н. с.), на Моршанской улицѣ, въ квартирѣ слесарей: Буха, Томашевскаго и К. —прокуроромъ, въ сопровожденіи слишкомъ 50 полицейскихъ и жандармовъ, былъ сдѣланъ первый въ Царствѣ Польскомъ обыскъ у соціалистовъ.

Разставленные у воротъ и на улицѣ полицейскіе и жандармы привлекли громадную толпу любопытныхъ, которая, несмотря на всѣ усилія полиціи разогнать ее, стояла на улицѣ во все время обыска, съ пяти часовъ вечера до двухъ ночи.

Толпа держала себя очень характерно. Она не знала въ чемъ именно дѣло, а полиція распространяла слухъ, что производится обыскъ у фальшивыхъ монетчиковъ; но воспоминанія 63 г. скоро навели публику на истину. Старики и старухи грустно и многозначительно кивали головами, утверждая, что это видно «политычна справа», и когда одинъ изъ жильцовъ выбросилъ изъ окна разорванную на клочки бумагу, толпа, думая, что бумага брошена изъ обыскиваемой квартиры, бросилась подбирать ее. Глотали куски; произошла даже свалка съ жандармами, стоявшими тутъ же, причемъ арестовали одну женщину.

Обыскъ былъ необыкновенно тщательный. Но, кромѣ нѣсколькихъ десятковъ выстрѣленныхъ патроновъ, нѣсколькихъ соціалистическихъ брошюръ на польскомъ языкѣ, да нѣсколькихъ фунтовъ стараго шрифта, случайно тамъ оставленнаго, ничего найдено не было. Находка шрифта навела прокурора на мысль, что въ этой квартирѣ спрятана типографія. Былъ взломанъ полъ, но тоже безъ результатовъ.

Полиція надѣялась накрыть въ квартирѣ сходку, но не застала даже ея жильцовъ. Одинъ изъ нихъ во время обыска былъ задержанъ знавшимъ его въ лицо сыщикомъ и переданъ въ руки околодочнаго, который повелъ его во дворъ дома; но смѣтливый слесарь, которому какъ разъ въ этотъ день былъ данъ для починки старый револьверъ, направилъ дуло его прямо въ грудь околодочнаго и, пользуясь его испугомъ, перепрыгнулъ черезъ заборъ во дворъ сосѣдняго дома, откуда благополучно и ушелъ.

Въ эту же ночь были произведены обыски у родственниковъ и однофамильцевъ названныхъ рабочихъ. Такъ напримѣръ, обыскали всѣхъ Буховъ въ Варшавѣ. Съ тѣхъ поръ аресты и обыски пошли у насъ безостановочно.

Черезъ нѣсколько дней за тѣмъ, на вокзалѣ Варшавско-Вѣнской желѣзной дороги были арестованы: столяръ Костюшко, два слесаря: Томашевскій и Сирочевскій и студентъ университета Казиміръ Плавинскій. При нихъ были найдены заряженные револьверы. Должно быть это послѣднее обстоятельство придало дѣятельности полиціи какой-то лихорадочный и почти неистовый характеръ. Арестовывали даже тѣхъ, кто годъ назадъ жилъ съ кѣмъ нибудь изъ попавшихся.

Къ сожалѣнію, повальные обыски на заводѣ Лильпопъ и Рау, гдѣ работаетъ до 2,500 человѣкъ, на такъ наз. «Желѣзной Фабрикѣ», на заводѣ Полгурскаго и многихъ другихъ, дали нѣкоторые результаты, въ смыслѣ положительныхъ указаній на болѣе дѣятельныхъ личностей.

Среди громаднаго числа арестовъ приходится останавливаться на болѣе крупныхъ. На бывшей квартирѣ одного изъ наиболѣе скомпрометированныхъ агитаторовъ К... Д... былъ взятъ жившій тамъ ветеринаръ Лянды и, въ томъ же домѣ, служившій на желѣзной дорогѣ Свенцицкій, которые и сидятъ теперь въ тюрьмѣ; Д... же не розысканъ.

Почти одновременно съ предъидущими, арестованъ слесарь Ротенгруберъ.

Затѣмъ въ половинѣ октября (н. с.), при обыскѣ у недавно пріѣхавшихъ въ Варшаву студ. Мед. Хир. Акад. Александра Грабовскаго и Абрамовича, былъ найденъ давно уже розыскиваемый рабочій варшавско-петербургской жел. дор., Уманскій. Туда же во время обыска зашелъ—за нѣсколько дней до того пріѣхавшій въ Варшаву изъ дѣйствующей арміи—Иванъ Глазко и трое другихъ.

Грабовскій, Абрамовичъ и Глазко посажены въ тюрьму, а остальные выпущены. При обыскѣ были найдены: типографскій разобранный станокъ, полтора пуда шрифту и небольшое количество книгъ. Вещи эти оказались принадлежащими Буху, вслѣдствіе чего розыски послѣдняго приняли характеръ облавъ. Несмотря на это, Бухъ постоянно ускользалъ изъ рукъ сыщиковъ и полицейскихъ, и наконецъ уѣхалъ за границу.

Около того же времени, были арестованы въ Варшавѣ: учительница сельской школы Филиппина Пласковицкая, слесарь Феликсъ Томашевскій, рабочій Покрживицкій, токарь Бужальскій съ женой (выпущена), слесарь Редлихъ и мн. др. Послѣдними арестованы: слушатель ветер. школы Максиміанъ Гальперинъ, кандидатъ филологіи Іосифъ Плавинскій и Поспѣловъ, у котораго, по слухамъ, найдены компрометирующія письма, повлекшія за собой арестъ до 15 человѣкъ въ Вильно. Кромѣ того, въ другихъ городахъ были арестованы еще слѣдующія лица: Мондштейнъ—въ Севастополѣ, Даниловичъ, студ. М. Х. Ак. —въ мѣстечкѣ Освеѣ, Витеб. губ., Грабовскій Мечиславъ—въ Костромѣ, Рожанскій и Бжезинскій—въ Люблинѣ, Казиміръ Аугустовичъ—въ Ломжинской г., Альдона Гружевская съ сестрой, акушеркой—въ Ковенской губ., Де-Мезеръ, бывшій студ. техн. инст., слесарь Каз. Кобылянскій, Завадскій и Закржевскій, студенты М. Х. Ак., — всѣ четверо въ Петербургѣ.

Всѣ арестованные привезены въ Варшаву и заключены въ 10-й павильонъ Александровской цитадели. Въ настоящее время сидитъ около 50 человѣкъ, арестовъ было больше 70, обысковъ — больше 120.

Слѣдствіе ведетъ прокуроръ Плеве, которому нельзя отказать въ надлежащихъ талантахъ, а также въ чисто-либеральной безчеловѣчности.

Чтобы характеризовать отношеніе къ намъ псевдопатріотовъ, приведемъ слѣдующій фактъ. Весной этого же года арестованъ здѣсь литераторъ Ад. Шиманскій съ нѣкоторыми другими. Эти господа, воспользовав-

шись арестами соціалистовъ, показали, что они хотѣли организовать тайное общество, съ національнымъ правительствомъ во главѣ, съ цѣлью создать силу для борьбы съ соціалистами *).

И эти показанія давались подъ сводами того-же 10-го павильона, гдѣ, 15 лѣтъ тому назадъ, замучивались сотни патріотовъ, можетъ быть, передъ тѣми же самыми жандармами, которые выбивали зубы и выдергивали бороды у бойцевъ 63-го года.

Вотъ событія послѣднихъ трехъ мѣсяцевъ. Эти факты многое говорятъ за себя. Если обратить вниманіе на отношеніе арестованныхъ изъ рабочаго класса и привиллегированной среды, легко видѣть, что движеніе почти съ самаго начала приняло чисто-народный характеръ, и наши надежды на будущее этого движенія никогда еще не были такъ сильны, такъ живы, какъ въ настоящую минуту, послѣ перваго чувствительнаго удара со стороны нашихъ враговъ.

Воспріимчивость къ проповѣди соціализма, революціонность, преданность дѣлу и энергія нашего рабочаго,—полное разложеніе и нравственная гниль старыхъ и новыхъ патріотическихъ партій, ихъ умственная неподвижность и политическое безвѣріе,—необыкновенно быстрое развитіе капиталистическаго производства, раздробленіе крестьянскихъ участковъ и неизбѣжный спутникъ этого—ростъ сельскаго и городскаго пролетаріата,—все это факты и явленія, которыя группируются жизнью въ условія развитія единственно революціонной, единственно возможной и единственно народной въ Польшѣ соціально-революціонной партіи.

Выступая теперь открыто и публично, мы пишемъ имя Польши на знамени всемірной соціальной революціи и шлемъ братскій привѣтъ милліонамъ членовъ нашей международной семьи!

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Затихшіе было на время аресты въ Петербургѣ, въ половинѣ октября снова оживились.

11-го числа на Царскосельскомъ пр., въ д. Сивкова былъ произведенъ обыскъ у Ал. Ник. Малиновской и жившей вмѣстѣ съ нею г-жи Федоровой, настоящая фамилія которой осталась неизвѣстной для жандармовъ.

За Малин. слѣдили давно и медлили арестомъ, желая „накрыть сборище". Но вдругъ на квартиру почти всѣ перестали ходить. Тогда жандармы, опасаясь упустить и тѣхъ, которые у нихъ были подъ руками, т. напр., Федорову, которая, какъ имъ было извѣстно, жила по подложному виду, рѣшились дѣйствовать.

Полицейскіе цѣлою массою ворвались въ комнаты дѣвушекъ, которыя еще не вставали съ постели. Федорова успѣла выхватить изъ подъ подушки револьверъ и сдѣлать одинъ или два выстрѣла по предводительствовавшему полиціей офицеру, которому нанесла легкую рану въ кисть руки. У Малиновской найденъ былъ подъ подушкой заряженный револьверъ, кромѣ же его, не смотря на тщательный обыскъ, ничего преступнаго не оказалось.

Какъ Мал., такъ и Фед. были сейчасъ же связаны бросившимися на нихъ жандармами и въ такомъ видѣ отправлены въ казематы III отд. Въ квартиру сейчасъ же послѣ обыска пришелъ студентъ м. х. акад. Булановъ, который тоже былъ задержанъ и посаженъ въ одну изъ частей. Въ комнатахъ обѣихъ арестованныхъ немедленно устроили ловушку, которая находится тамъ и теперь. Но кромѣ одного доктора, только что пріѣхавшаго изъ дѣйствующей арміи и зашедшаго къ Малин., какъ къ старой знакомой по Акад. Худож., никого арестовать не удалось. Да и этотъ офицеръ оказался братомъ какого-то высокопоставленнаго лица, почему и былъ немедленно освобожденъ.

Въ тотъ же день, въ домѣ, противоположномъ Сивкову, была арестована г-жа Витаньева, у которой, говорятъ, нашли нѣсколько писемъ и значительную сумму денегъ.

На второй день утромъ, въ 12 ротѣ Изм. п., въ д. № 11, кв. 22, былъ произведенъ обыскъ у техника Вас. Сабурова. У него были арестованы двое ночевавшихъ въ эту ночь; изъ нихъ одинъ оказался бывшимъ студентомъ Петр. Земл. Ак., Адріаномъ Михайловымъ. Послѣдній успѣлъ вырваться изъ рукъ жандармовъ и бросился бѣжать по улицѣ, но былъ схваченъ разставленными тамъ солдатами. При обыскѣ было найдено нѣсколько паспортныхъ бланокъ, печать и т. п.

Затѣмъ жандармы отправились въ квартиру Адр. Михайлова на Вас. о., гдѣ нанималъ комнату также и студ. Зейге. Ничего „преступнаго", кромѣ нѣсколькихъ паспортовъ неказеннаго приготовленія да фотографическихъ карточекъ, при обыскѣ не нашли.

На слѣдующій день арестованъ жившій на Разъѣзжей болгаринъ Карловскій, у котораго нашли штыкъ огромныхъ размѣровъ.

Произведено еще нѣсколько арестовъ и обысковъ, и вслѣдъ затѣмъ они прекратились.

Жандармы ликуютъ. Они убѣждены, что добрались до самыхъ корней и нитей „крамолы", и утверждаютъ, что создадутъ новый процессъ 193-хъ.

— Изъ Москвы сообщаютъ, что оттуда посланъ въ Швейцарію жандармскій офицеръ Штурмеръ, съ четырьмя помощниками, для разузнанія изъ заграничныхъ слуховъ о фамиліяхъ убійцъ ген. Мезенцева. Надѣемся, что ихъ тамъ хорошо примутъ.

— Нѣсколько времени тому назадъ, въ Петербургѣ случилось слѣдующее курьезное происшествіе: г. Думашевскаго, автора статьи «По поводу правительственнаго сообщенія», помѣщенной въ одномъ изъ сентябрскихъ №№ «Рус. Міра», пригласили въ III Отдѣленіе и предоставили ему на выборъ: или опровергнуть свою статью, или отправляться на жительство въ Восточную Сибирь.

Въ результатѣ, какъ извѣстно, получилось письмо въ редакцію «Рус. Міра», въ которомъ, вмѣсто «болѣе 15 тыс. высылаемыхъ ежегодно административнымъ порядкомъ», оказывается менѣе 34 человѣкъ(!!).

— 31-го октября на Мал. Дворянской ул., д. № 13, кв. 6, арестованъ служащій при одномъ заводѣ, г. Жуковскій. Найдены нѣкоторыя письма. Устроена, по обыкновенію, ловушка, въ которую чуть не попался было одинъ изъ знакомыхъ Жуковскаго. Онъ уже былъ задержанъ и препровождался въ участокъ, когда, воспользовавшись оплошностью стража, онъ бросился бѣжать по направленію Мал. Посадской ул. На крикъ: „Держи! Лови!" одинъ изъ публики кинулся было останавливать его, но преслѣдуемый выхватилъ изъ кармана кастетъ и „ревнитель" быстро отскочилъ всторону. Повернувъ за уголъ, преслѣдуемый увидѣлъ довольно многочисленную толпу, которая слышала крики съ Дворянской ул. Тогда, чтобы сбить ее съ толку, онъ самъ принялся кричать: „Лови! держи! рѣжутъ!" Толпа оторопѣла, не зная, что ей дѣлать, и онъ пробѣжалъ мимо. Далѣе, увидѣвъ заборъ огорода, онъ хотѣлъ перескочить черезъ него, но на это у него уже не хватило силъ, и онъ спустился. Но, на его счастье, огородъ оказался съ проходными воротами и онъ скрылся.

— Не печатаемъ ни секретныхъ правит. документовъ, ни имѣющихся у насъ корреспонденцій: изъ Харькова, Одессы, Чернигова, Воронежа и Земли Войска Донскаго, не желая задерживать долѣе и безъ того запоздавшаго номера. Появятся во второмъ. Печатается и вскорѣ будетъ выпущена брошюра Драгоманова «Выигрыши Послѣдней Войны».

— Получено 100 р. отъ Ф. для передачи Г. Л.

ОПЕЧАТКА. Въ первомъ столбцѣ 15 стран., послѣ 18-й стр. пропущено: «Какъ вамъ понравится также совѣтъ «Голоса» революціонерамъ—уважать человѣка?»

*) Говорятъ, что Шиманскій составилъ даже въ этомъ духѣ меморіалъ, который былъ представленъ самому государю.

„Петербургская Вольная Типографія". 1 ноября 1878 г.

(+) Вручено Герману Лопатину
Музей Революции
13413/72
Инв. Гор. 1778
10
Государственный музей политической истории России
КП. 51106/47
Фонд XIV
Инв. № 122